

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**2 (38)
2023**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2023

Редактор

Е. А. Лебедева

Корректор

Н. В. Пустовойтова

Технический редактор

Ш. Ш. Амирсейидов

Верстка оригинал-макета

Е. А. Герасиной

Выпускающий редактор

А. А. Амирсейидова

Автор перевода

А. А. Ищенко

кандидат ист. наук, доцент

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы*

Адрес учредителя:

600000, г. Владимир,

ул. Горького, 87

*Владимирский государственный
университет имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

Адрес редакции: 600000,

г. Владимир, ул. Горького, 87, ВлГУ,

каб. 08-1

Подписано в печать 12.12.23

Заказ №

Выход в свет 29.12.23

Бесплатно

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 9,30

Тираж 500 экз.

Издательство

*Владимирского государственного
университета имени Александра
Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых*

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87

Отпечатано в отделе

*оперативной полиграфии Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых*

600014, г. Владимир,

ул. Белоконской, 3Б

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровиц* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института ВлГУ
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
ВлГУ (зам. главного редактора серии)
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического
регионоведения СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой всеобщей истории ВлГУ
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
ректор МПГУ
- А. В. Марков* доктор филос. наук, профессор
профессор кафедры кино и современного
искусства РГГУ
- Н. М. Маркова* кандидат филос. наук, доцент
зам. директора Гуманитарного института
ВлГУ
- С. А. Мартынова* кандидат филос. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии ВлГУ
- Ю. Г. Матушанская* доктор филос. наук, профессор
профессор кафедры религиоведения
Института социально-философских наук
и массовых коммуникаций КФУ
- А. С. Минаков* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России МПГУ
- С. С. Новиков* доктор ист. наук, доцент
профессор кафедры теории и истории
государства и права ВлГУ
- М. В. Пименова* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка ВлГУ
- Л. В. Рацибурская* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского
языка и общего языкознания ННГУ
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
профессор кафедры истории России
средних веков и нового времени ГУП
- А. С. Тимошук* доктор филос. наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
- Т. Е. Шаповалова* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой современного русского языка
имени профессора П. А. Леканта ГУП
- А. В. Ляпанов* кандидат ист. наук, доцент
доцент кафедры истории России ВлГУ
(отв. секретарь редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

А. В. Ляпанов

Анализ факторов и динамики социальной мобильности государственных крестьян (на примере Владимирского наместничества (1778 – 1796)) 5

В. В. Митрофанов

Неизвестные факты о командировке С. Ф. Платонова в Германию в 1924 г. 14

С. Р. Повалишников

Власть и общество Владимирской губернии в деле попечения о детях в годы Первой мировой войны. 28

ФИЛОЛОГИЯ

А. В. Марков

Искусствоведческие ключи к русской литературе:
Выготский и современные дискуссии 35

ФИЛОСОФИЯ

Е. И. Аринин, М. С. Лютаева, Н. М. Маркова, В. С. Мартиросян

Религия, литература и религиозность автора..... 44

В. А. Матвиенко

Ретропотенциал концептов «религия» и «образование»
в развитии локальной государственной идентичности..... 57

А. С. Тимошук

Государственно-правовая идеология Древней Индии как протоправо 66

Сведения об авторах..... 79

CONTENTS

HISTORY

A. V. Lyapanov

Analysis of Factors and Dynamics of State Peasants' Social Mobility
(on the Example of the Vladimir Viceroyalty (1778 – 1796)) 5

V. V. Mitrofanov

Unknown Facts About S. F. Platonov's Business Trip to Germany in 1924 14

S. R. Povalishnikova

The Government and Society of the Vladimir Province
in the Care of Children During the First World War 28

PHILOLOGY

A. V. Markov

Art Historical Keys to Russian Literature: Vygotsky and Contemporary Debates 35

PHILOSOPHY

E. I. Arinin, M. S. Liutaeva, N. M. Markova, V. S. Martirosian

Religion, Literature and Religiousity of the Author 44

V. A. Matvienko

The Retropotential of the Concepts of «Religion» and «Education»
in the Development of Local State Identity 57

A. S. Timoshchuk

The State-Legal Ideology of Ancient India as a Proto-Law 66

Contributors 79

УДК 339.1(470+571)(091)

А. В. Ляпанов

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА (1778 – 1796))

В статье рассматривается проблема социальной мобильности в Российской империи конца XVIII в. на примере перехода государственных крестьян в купечество в период существования Владимирского наместничества (1778 – 1796). Несмотря на закрытый характер сословного общества того времени, нередко были случаи перехода из одного сословия в другое. В частности, названный процесс подстегивали образование новых городов и нехватка жителей в них. Подробно анализируются причины, побуждавшие крестьян к смене своего социального положения и препятствующие этому.

Ключевые слова: государственные крестьяне, купечество, Владимирское наместничество, социальная мобильность, сословие.

Губернская реформа, проводимая Екатериной II с 1775 г. с целью повышения эффективности управления страной и недопущения народных бунтов, вызвала масштабные изменения во многих регионах страны. Затронули они и Владимирский край. В 1778 г. было сформировано Владимирское наместничество. Перипетии его создания подробно описаны автором в статье «Развитие городской и крестьянской торговли в России в конце XVIII в. (на примере Владимирского наместничества)» [14].

Административные изменения оказали существенное влияние на

жизнь народонаселения. Составлявшие большую его часть сельские жители получили право и возможность повысить свой социальный статус, приписавшись к вновь образуемым городам. Интересен процесс социальной мобильности государственных крестьян, которые в конце XVIII в. представляли собой широкий пласт «условно свободного» населения, в противовес крестьянам помещичьим и дворцовым (с 1797 г. – удельным), находившимся в более жесткой крепостной зависимости. Указанный процесс будет проанализирован на примере перехода государственных крестьян в купечество

как наиболее массовый и явно показывающий различия в положении сословных групп в данный период времени.

Проблема социальной стратификации и социальной мобильности в Российской империи XVIII столетия вызывает меньшее внимание у историков по сравнению с периодом разрушения сословного строя во второй половине XIX в. В статистическом измерении это вполне оправдано и объяснимо. Не случайно в исторической науке сложилось устойчивое мнение о закрытом характере сословного общества, отсутствии серьезных возможностей для социальной мобильности. Однако это не значит, что подобного не происходило вовсе. Права и процедурные моменты, связанные с изменением сословной принадлежности населением Российской империи, были законодательно закреплены. Другое дело, что данная практика не получила широкого распространения и поддержки со стороны властей, которые преимущественно выступали за сохранение сословных границ. В силу названных причин переход государственных крестьян в другие сословия затрагивается в работах историков XX в. (Н. М. Дружинина, П. Г. Рындзюнского, Ю. Р. Клокмана и др.) достаточно фрагментарно и упоминается как раз в контексте градообразующих процессов [2; 13; 21]. На современном этапе социальная исто-

рия набирает популярность: например, Б. Н. Миронов уже более обстоятельно рассматривает вопросы социальной стратификации, внутрисословной и межсословной мобильности в России имперского периода [15].

Опираясь на законодательные акты (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ), материалы двух фондов Государственного архива Владимирской области (ГАВО): Владимирского наместнического правления (Ф. 15) и Владимирской казенной палаты (Ф. 301), постараемся проанализировать государственную политику в отношении перехода государственных крестьян в купечество на примере Владимирского наместничества. Процесс перехода следует рассматривать не только в управленческом аспекте, но и в контексте того, что он оказывал серьезное влияние на экономические и социальные процессы как в регионе, так и в стране в целом.

Начнем анализ с приведения сведений о численности населения во Владимирском наместничестве на момент его образования. В 1779 г. в нем насчитывалось 386 952 души мужского пола, собственно городское население – всего 3,13 % от общего числа жителей наместничества мужского пола. При этом во многих уездах процент горожан гораздо ниже среднего, например в Шуйском, Гороховецком, Ковровском, Покровском, Киржачском, Судо-

годском [3]. Это в основном как раз те уезды, где только с образованием Владимирского наместничества учредили города. И, соответственно, именно там особо остро стояла проблема пополнения городского населения. За счет кого?

Бросается в глаза большое количество помещичьих крестьян в регионе. Это объясняется тем, что центральные районы страны в первую очередь подвергались раздаче земель в поместья и вотчины. Ущемлять интересы дворянства при Екатерине II было не принято. А свободное крестьянство здесь исчезло уже в XVI – XVII вв., перейдя на положение крепостного, дворцового или церковного. Значительную роль в появлении категории «экономических крестьян» сыграла секуляризация синодальных, архиерейских, монастырских и церковных вотчин в 1764 г., определившая их в ведение Коллегии экономии. Таким образом, в 1779 г. во Владимирском наместничестве экономических крестьян насчитывалось 95 733 души мужского пола [4]. До секуляризации государственных крестьян в регионе вообще было незначительное количество. По IV ревизии (1782 г.) экономических крестьян мужского пола насчитывалось 103 545 (23,31 % от общей численности), государственных крестьян – 11 904 (2,68 %), по V ревизии (1795 г.) – 106 415 (23,11 %) и

12 211 (2,66 %) соответственно [3, с. 95 – 98, 117 – 110].

Упразднением в 1786 г. Коллегии экономии государство уравнило экономических крестьян с остальными категориями казенного крестьянства, включив их в состав государственных.

Одним из важных решений, способствовавших и положивших начало переходу крестьян в другие сословия во Владимирском наместничестве, стал указ владимирского генерал-губернатора Р. И. Воронцова от 30 марта 1779 г. об отправке чиновников во все города наместничества, для того чтобы записывать в купеческое или мещанское сословие всех желающих уплатить соответствующий процент с объявленного ими капитала [5].

К сожалению, точное число государственных крестьян, воспользовавшихся этим указом и записавшихся в купечество во Владимирском наместничестве, установить затруднительно в силу разрозненности отчетной документации. Можно привести сведения генерал-губернатора Р. И. Воронцова о 428 дворцовых и экономических крестьянах, записавшихся в купечество в период с 1778 по 1783 г., т. е. в течение 5 лет. Это немного, примерно 0,1 % от общей численности крестьян этих категорий за период (если сравнивать с данными, приведенными в таблице, за 1779 г.).

Уезды, из которых государственные крестьяне изъявляли желание записаться в купечество, и уезды, в которые они записывались в купечество

Уезды, из которых крестьяне подавали прошения о записи их в купечество	Количество крестьян, душ муж. пола	Уезды, в которые крестьяне записывались в купечество	Количество записавшихся крестьян (количество крестьян этого же уезда), душ муж. пола
1. Переяславский	81	1. Переяславский	74 (70)
2. Владимирский	22	2. Московский	31 (-)
3. Суздальский	12	3. Суздальский	11 (11)
4. Александровский	12	4. Владимирский	10 (8)
5. Судогодский	5	5. Муромский	5 (3)
6. Меленковский	5	6. Александровский	4 (1)
7. Юрьевский	5	7. Судогодский	4 (4)
8. Киржачский	4	8. Киржачский	4 (2)
9. Муромский	3	9. Меленковский	3 (3)
10. Покровский	2	10. Ковровский	2 (-)
11. Вязниковский	2	11. Петровский	2 (-)
12. Ковровский	1	12. Вязниковский	1 (1)
		13. Юрьевский	1 (1)
<i>Итого</i>	154	14. Покровский	1 (-)
		15. Городищевский (Пензенское наместничество)	1 (-)
		<i>Итого</i>	154

При этом в законодательном акте 1778 г. об учреждении Владимирского наместничества не было упоминания о том, что с государственных крестьян, вступивших в купечество вследствие изменения статуса их сел или слобод на городской, надлежит взыскивать подать только по одним городским окладам, как это было, к примеру, в Новгородской губернии [16]. А значит, записавшись в купечество, крестьяне бывших сел (Меленки, Киржач, Покров, Судогда, Ковров, Александров) вынуждены были платить в казну двойной оклад: по новому купеческому званию и по старому крестьянскому.

Несмотря на попытки наместника изменить ситуацию (был отправлен запрос в столицу), снятия двойных платежей пришлось ждать до завершения очередной ревизии. Многие, испытывая тяжесть двойных платежей, просили, чтобы их снова обратили в «первобытное крестьянское состояние» [13, с. 95].

Примечательно, что указ от 25 июля 1777 г. взимание двойных платежей объявлял временной мерой при записи государственных крестьян в купеческое сословие [17]. Под его воздействием, надеясь на скорое изменение ситуации, крестьяне, желающие повысить свой социальный статус, стали активно подавать прошения на запись их в купечество. Однако ст. 139

«Грамоты на права и выгоды городам Российской Империи» положила конец их надеждам на облегчение порядка приписки к городам и отмену платы по обоим сословиям [18]. В итоге излишняя экономическая нагрузка, ложащаяся на плечи крестьян, решившихся сменить сословное состояние, привела к тому, что с момента образования Владимирского наместничества в 1778 г., т. е. непосредственно после указа от 25 июля 1777 г. до выхода в свет Городового Положения в 1785 г., по нашим данным, из сельского состояния записалось в купечество 138 государственных крестьян, что составляет 89,6 % всех государственных крестьян, перешедших в это сословие вплоть до 1796 г. (в приходно-расходной книге по Владимирскому наместничеству за 1784 г. зафиксированы 88 душ купечествуемых крестьян) [6].

С 1785 г. и вовсе происходит резкое уменьшение количества государственных крестьян, желающих перейти в купечество. Так, до 1785 г. в III купеческую гильдию записалось 119 душ мужского пола, позднее – только 14; во II купеческую гильдию до 1785 г. – 19, позднее – 2.

Обозначим причины подобного явления. Во-первых, это законодательное закрепление на постоянной, а не временной основе (как это говорилось в указе от 25 июля 1777 г.) двойных платежей при переходе крестьян в купечество.

Во-вторых – увеличение имущественного ценза для желающих записаться в купечество. По указу 1775 г.

капитал, необходимый для вступления в I купеческую гильдию, составлял более 10 тыс. руб., во II купеческую гильдию – 1 – 10 тыс. руб., в III купеческую гильдию – 500 руб. – 1 тыс. руб. По указу 1785 г. для вступления в I купеческую гильдию необходимо было показать капитал уже 10 – 50 тыс. руб., во II купеческую гильдию – 5 – 10 тыс. руб., в III купеческую гильдию – 1 – 5 тыс. руб.

Если по нормативным актам в 1775 г. для того, чтобы стать купцом III гильдии, было достаточно объявить капитал на сумму от 500 до 1000 руб., то с 1785 г. граница необходимого для перехода капитала значительно возросла и значилась в пределах от 1000 до 5000 руб.

В-третьих, за желающими перейти в купечество крестьянами устанавливался более строгий контроль: выразивший такое желание государственный крестьянин подвергался тщательной проверке («не имеется ли каких-либо недоимок и рекрутской очереди»), для чего нужна была специальная справка. Приведем наглядный пример. «При письменном сношении выборный Михайло Иванов и все той слободки крестьяне взятою сказкою показали, что де на помянутом желающем к записи в Александровское купечество той слободки крестьяне Михаиле Сидорове с детьми рекрутской очереди и других никаких препятствующих к увольнению в Александровское купечество причин не оказалось». Затем крестьянин должен был прибыть в Александровский городской

магистрат «к свидетельству показанного им 505-рублевого капитала». Наличие капитала подтверждала специальная комиссия, состоящая из купцов различных гильдий. При положительном решении дело шло дальше по инстанциям и в конечном итоге выносилось повеление «уволить на основании 1762 г. 31 января и 1777 г. 26 июля указов к записке в Александровское купечество с должным в платеже процентного сбора и по крестьянству податей обязательством ...» [7]. В среднем дело о переходе в купеческое сословие изъявившего желание государственного крестьянина рассматривалось в течение года, а затем начинался долгий (до следующей ревизии) и обременительный период вынужденной платы двойного оклада.

Более того, зачастую рассмотрение дел о переходе крестьян в купеческое сословие в силу различных причин (состояние на рекрутской очереди или обнаружение за крестьянином недоимок) затягивалось на еще более длительный период. Так, дело по прошению крестьянина экономического ведомства села Бибирево Переяславской округи Осипа МаSTRUКОВА о записи его с сыном Павлом в переяславское купечество затянулось именно по этим причинам на три года [8]. При этом в течение всего срока рассмотрения дела крестьянин не имел права осуществлять торговую деятельность, что неизбежно приводило к сокращению его капитала. Нередки случаи, когда состоятельные крестьяне, стараясь ускорить ход дела, вместо себя нани-

мали в рекруты других крестьян, избавляясь таким образом от рекрутской очереди [9].

Насколько тяжело было бремя выплаты двойных платежей, показывают случаи, когда крестьяне, перейдя в купечество, просто отказывались платить подати по своему «первобытному крестьянскому состоянию». Однако местные власти строго следили за делами подобного рода и непременно взыскивали все накопившиеся недоимки. Характерный пример. 23 октября 1785 г. владимирский генерал-губернатор граф И. П. Салтыков направил на рассмотрение Владимирскому наместническому правлению предложение о рассмотрении прошения крестьян, записавшихся из крестьян в купечество, о неплатеже податей по крестьянству. К нему подали просьбы «суздальской округи экономического села Торок староста Артемий Андреев с крестьянами и казенного ведомства села Кидекши с деревнями крестьянин Григорий Степанов и прочие, о неплатеже записавшихся в Суздальское купечество из крестьян Петром Щаниковым, Иваном Астафьевым, Трифоном Федоровым по данному от них обязательству государству по крестьянству податей» [10]. Рассмотрев просьбы, Владимирское наместническое правление велело взыскать все накопившиеся недоимки с этих крестьян.

Приведенные выше сведения свидетельствуют о том, что правительство Российской империи рассматривало государственных крестьян как источник дохода для казны и не желало

признавать тяжесть и обременительность для них существующего порядка приписки к городам. Суммы, которые поступали от уплаты в казну в результате взимания двойных платежей при переходе из сословия в сословие, составляли около 50 000 рублей ежегодно. И лишь в 1824 г. было принято решение отменить платеж податей по крестьянскому званию казенными крестьянами, переходящими в городские сословия [19].

И все же, несмотря на такой во многом ограничительный и экономически обременительный процесс сословного перехода, запись государственных крестьян в купечество продолжалась. Разберем различные причины, побуждавшие их к этому. Одна из главных – это развивающаяся торговая и промысловая деятельность крестьян. После указа Екатерины II в 1776 г. возможность открытого крестьянского торгового была значительно сужена, крестьяне попали в затруднительное положение. Для многих торгов и промыслы уже стали единственным средством к существованию. Переход в купечество в такой ситуации является логическим шагом при наличии экономической возможности. Кроме того, значительную роль играет освободительный аспект выхода из крестьянского сословия. Почему именно в купечество, а не в мещанство? Дело в том, что положение приписного мещанина лишь немногим отличалось от положения государственного крестьянина, и уплата двойной подати здесь менее всего могла быть оправдана.

Купечество же являлось, несомненно, более привилегированным сословием. Не случайно значительная часть мещанства также стремилась перейти в купечество [20, с. 164 – 165].

Экономические возможности некоторых государственных крестьян не всегда соответствовали их желанию перейти в город. Местные власти пристально следили за подобными «самозванцами». «...По данному в Наместническое правление из Губернского магистрата доношению о желающих записаться в Переяславское купечество крестьянах ... открылось, что многие из оных просили о записи их в купечество, не имея никакого капитала, а единственно только желая воспользоваться принадлежащими купцам выгодами ...» [11]. То есть усилия правительства были направлены на соблюдение законности перехода из одного сословия в другое. В сохранении и упрочении монополии сословных занятий, пресечении попыток представителей других (главным образом низших) сословий воспользоваться сословными привилегиями власть видела основу правопорядка [1, с. 185].

Анализ случаев переходов государственных крестьян в купечество во Владимирском наместничестве позволяет выявить основные источники и направления их записи в купечество.

Как мы видим (см. таблицу), желающие повысить свой социальный статус крестьяне предпочитали записываться в купечество своего уездного центра. Так, из 81 крестьянина Переяславского уезда 70 записались именно

в переяславское купечество; из 12 крестьян Суздальского уезда 11 записались в суздальское купечество и т. д. Однако следует учитывать, что запись происходила преимущественно в III и лишь затем во II гильдии и поэтому естественна более тесная экономическая связь крестьян со своей округой. Правда, были и исключения. Из 22 крестьян Владимирского уезда лишь 8 записались во владимирское купечество, остальные 14 перешли в московское купечество; из 12 крестьян Александровского уезда 9 записались в московское купечество, что в свою очередь объясняется более широкими торговыми и деловыми перспективами в многолюдной Москве. Эти данные позволяют судить о достаточно широкой географии торговых интересов государственных крестьян, которые не ограничивались рамками одного уезда и губернии. Вообще, подобный анализ позволяет сделать вывод о наличии прямой зависимости количественного показателя социальной мобильности государственных крестьян, переходящих в купечество, от уровня экономического развития того или иного уезда.

Таким образом, «Свод законов Российской империи» номинально (де-юре) называет государственных крестьян «свободными сельскими обывателями», но де-факто они являлись неполноправным податным сословием. Правительство законодательно регламентировало быт крестьян, ограничивало жесткими рамками их хозяйственную и прочую деятельность: передвижение по стране, свободу выбора заня-

тий, социальные перемещения и т. д. С одной стороны, все эти ограничения обуславливались традиционными принципами сословности внутренней политики Российского государства того периода, когда усилия были направлены в том числе и на соблюдение правильности перехода из одного сословия в другое. С другой стороны, это было обусловлено и податными принципами внутренней политики. Однако факт значительного увеличения числа прошений крестьян о приписке к купечеству в период 1778 – 1785 гг. показывает, что эти же факторы вызвали потребность в коренном изменении официально признаваемого порядка приписки.

Можно сделать вывод, что процесс перехода государственных крестьян в купечество, составляя основу пополнения городского населения на данном этапе и имея большой экономический потенциал, к сожалению, не оказал серьезного влияния на изменение социальной структуры населения Владимирского наместничества (государственные крестьяне, перешедшие в купечество в 1782 – 1796 гг., составили менее 3 % в составе последнего). Одним из факторов такой низкой социальной миграции является недостаточная экономическая развитость Владимирского наместничества в эти годы и, как следствие, невозможность преодолеть имущественный ценз при переходе в купечество. Главным же препятствием стало неумное желание государства продолжить извлекать фискальные выгоды, когда даже при обра-

зовании новых городов власти не из- прошли через промежуточное состоя- бавляли крестьян, поступающих в го- ние приписки к городу с платежом по- родские сословия, от необходимости датей по двум состояниям.

Библиографические ссылки

1. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. М., 1982. 296 с.
2. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946 – 1952. Т. I – II.
3. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 15 (Владимирское наместническое правление). Оп. 2. Д. 53. Л. 1 – 5.
4. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 53. Л. 1 – 5.
5. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 236. Л. 1.
6. ГАВО. Ф. 301 (Владимирская казенная палата). Оп. 1. Д. 65. Л. 3.
7. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 709. Л. 1 – 2.
8. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1398. Л. 1 – 53.
9. ГАВО. Ф. 15. Оп. 7. Д. 551. Л. 1 – 35.
10. ГАВО. Ф. 15. Оп. 8. Д. 1292. Л. 1.
11. ГАВО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 147. Л. 1.
12. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. 190 с.
13. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVII в. М., 1967. 335 с.
14. Ляпанов А. В. Развитие городской и крестьянской торговли в России в конце XVIII в. (на примере Владимирского наместничества) // Историко-экономические исследования. 2023. Т. 24, № 2. С. 209 – 226.
15. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб., 2023.
16. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 20. № 14787. С. 742.
17. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 20. № 14632. С. 538 – 539.
18. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 22. № 16188. С. 381.
19. ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 39. № 30120. С. 579 – 581.
20. Разгон А. М. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII века // Исторические записки. Т. 32. М., 1950.
21. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

**ANALYSIS OF FACTORS AND DYNAMICS OF STATE PEASANTS'
SOCIAL MOBILITY (ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR
VICEROYALTY (1778 – 1796))**

The article deals with the problem of social mobility in the Russian Empire of the late XVIII century. We consider these phenomena on the example of the transition of state peasants to merchants during the existence of the Vladimir viceroyalty (1778 – 1796). Despite the closed nature of the estate society of that time, there were frequent cases of transition from one estate to another. In particular, this process was spurred by the formation of new cities and the shortage of residents in them. We analyze in detail the reasons that encourage peasants to change their social status, and the reasons that prevent this.

Keywords: state peasants, merchants, Vladimir viceroyalty, social mobility, estate.

УДК 378

В. В. Митрофанов

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ О КОМАНДИРОВКЕ С. Ф. ПЛАТОНОВА
В ГЕРМАНИЮ В 1924 г.**

1920-е годы ознаменовались ростом научных связей советских ученых с западноевропейскими, в первую очередь с германскими. Один из самых авторитетных отечественных историков С. Ф. Платонов был командирован в Германию в 1924 г. с научными целями. В современной историографии сведения об этой поездке разнятся, к тому же они очень лаконичные. Выявленные архивные материалы позволяют в полной мере внести ясность и определить время поездки, сроки пребывания, а самое главное – назвать её цель. Кроме того, восстанавливаются маршрут, лица, с которыми академик вел переговоры по вопросу продажи литературы, выпущенной Российской академией наук; определён круг германских учёных, русских эмигрантов, с которыми обсуждались отдельные вопросы, представляющие взаимный интерес. Публикуемые документы важны для понимания роли С. Ф. Платонова в развитии коммуникационных связей с зарубежными коллегами.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, Российская академия наук, командировка, научная цель, книгообмен, фирма «Voss-Sortiment», отчёт.

Начало 1920-х гг. было временем, когда советские научные учреждения, прежде всего РАН, специалисты в разных областях научного знания устанавливали творческие, деловые, научные отношения с европейскими учеными, в первую очередь германскими. Такое движение было

следствием развития политического диалога на государственном уровне. Об этом свидетельствуют документы того времени: например, «Письмо М. И. Неменова А. В. Луначарскому о восстановлении научных контактов в Германии», «Из обращения РАН в СНК о необходимости восстановления научных контактов с Западом» от 22 ноября 1920 г. и многие другие. Многочисленные свидетельства опубликованы в известном сборнике, где имеется целый раздел под названием «Развитие международных научных связей» [11, с. 396 – 397].

Следует отметить, что тема настолько актуальна, что находится в центре исследовательского поля многие десятилетия [15]. Немало интересных фактов о воплощенных в жизнь проектах привёл Х. Х. Шрёдер, например, о создании Т. Шиманном «Берлинского семинара по истории Восточной Европы», О. Гётчем – «Германской ассоциации по исследованиям Восточной Европы» (*Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde; DGO*) [18, с. 43 – 44]. Этот поступательный процесс нашёл отражение в ряде недавних статей [7]. Приведённые в них факты, как и многие другие, позволяют говорить об обоюдном советско-германском стремлении установить связи на личном уровне и координировать совместную научную деятельность, обмениваться информацией.

Контакты развивались и по линии гуманитарных наук, в первую очередь истории. Об этом свидетельствуют переписка и встречи С. Ф. Плато-

нова с Г. Йонасом и Ф. Шмидтом-Оттом, в том числе по вопросам археологических раскопок в Крыму в 1929 г. [9]. Авторитетный академик вел обширную переписку с отечественными историками, эмигрировавшими за границу и занявшими университетские кафедры или профессорские должности, например с бывшим профессором Женского педагогического института (С. Ф. Платонов был его директором с 1903 по 1916 г.) А. А. Васильевым [5], профессором, деканом юридического факультета Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауном. Так, 10 декабря 1925 г. А. А. Васильев из США писал о своих впечатлениях: «Здесь коллеги – очень милый и симпатичный народ» [5, с. 7].

Среди германских учёных, стремившихся к изучению Советской России и вообще её истории, следует назвать О. Гётча (Хётча) [19], который ещё в 1913 г. написал известную «Памятную записку на предмет основания Немецкого Общества по изучению России».

Особое место в развитии научных связей отводилось книгообмену. Так, ещё 29 сентября 1922 г. Непременный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург составил «Отношение» в правление академии «Об образовании Бюро по книгообмену» (БЮК) [11, с. 387 – 388]. Оно просуществовало недолго, в 1930 г. его функции были переданы Библиотеке АН СССР (напомним, что С. Ф. Платонов был её директором с 22 августа 1925 г. по сентябрь 1928 г.). Надо отметить, что этому вопросу уде-

лялось большое внимание и в предыдущие годы, еще до 1917 г. Свидетельство тому – сотрудничество с фирмой Voss-Sortiment, успешно занимавшейся распространением/продажей изданий РАН. Этот вопрос был предметом исследования Ю. М. Тарасовой [17], где приводятся интересные цифры о росте спроса на академические издания: «...в 1914 г. было 936 постоянных получателей в пределах России, в 1927 г. их стало 1182. Увеличились и рассылки за границу: в 1927 г. одной только Лейпцигской фирме Voss-Sortiment было выслано 2132 экземпляра. Около 2-х тысяч экземпляров было отправлено для передачи Немецкой библиотеке» [Там же].

В этой связи наше внимание привлекло небольшое архивное дело с названием «Материалы о командировке С. Ф. Платонова в Германию по делам Российской академии наук. 1924 – 1925» [12, л. 1 – 11], где собраны материалы о поездке академика.

В. С. Брачев – один из самых авторитетных исследователей творчества и биографии С. Ф. Платонова – называет эту командировку в Германию и во Францию «первой», которая «носила частный характер» [3, с. 312]. По поводу этого утверждения необходимо сделать несколько поправок.

Во-первых, командировка не может иметь «частного характера». Во-вторых, это было второе посещение Платоновым европейских государств.

Первая поездка четы Платоновых в Германию состоялась еще в 1896 г. К этому времени С. Ф. Платонов до-

стиг значительного и уверенного положения в университете, с 1890 г. занял профессорскую должность. Заграничное путешествие его с супругой началось 5 июня: из Санкт-Петербурга они отправились в Берлин, где посетили Национальную галерею. Потом были Дрезден, Лейпциг, Франкфурт и Майнц. Свои впечатления об увиденных произведениях искусства, о природных ландшафтах и обустройстве городов Надежда Николаевна оставила в своем замечательном дневнике в записи от 12 августа [14, с. 139 – 140].

В-третьих, В. С. Брачев пишет о «полутора месяцах» пребывания за границей, хотя командировка продлилась ровно 2 месяца: 4 июня выехал, а 5 августа вернулся.

Именитый профессор приводит интересную информацию о встречах академика с Ф. А. Брауном, О. Гётчем. Последние принимали активное участие в подготовке к изданию в Германии «Лекций по русской истории» С. Ф. Платонова [20]. Кроме того, В. С. Брачев сообщает о встрече С. Ф. Платонова с дочерью и внуком в Висбадене. Надежда Сергеевна была замужем за Б. К. Краевичем, служившим в белых частях в период Гражданской войны. В 1920 г. семья эвакуировалась из Крыма, а затем перебралась во Францию. Таким образом, это была первая встреча супругов Платоновых с дочерью с момента разлуки. Следует отметить, что сегодня известен один из адресов, где проживали Краевичи, хотя он и относится к более позднему времени. Когда в 1928 г.

С. Ф. Платонов был в очередной командировке в Германии и Франции, он получил письмо от 10 августа от Г. Йонаса, где был указан адрес: «38 bis, Rue Raphael, chez Mame. Kraievitsch, Vanves (Seine)» [10, с. 16 – 17].

Кстати, во время пребывания в Германии, 26 июля 1924 г., Сергей Фёдорович получил письмо от генерального секретаря Г. Йонаса Deutsche Gesellschaft studium Osteuropas (Немецкое общество изучения Восточной Европы) на адрес: z. z. Wiesbaden, Idsteinerstrasse, 25. В нём он был приглашен 31 июля на дружеский ужин, устраиваемый немецкими коллегами в его честь.

По сведениям В. С. Брачева, С. Ф. Платонов, направляясь в Германию, встретил среди попутчиков А. И. Браудо – помощника директора Публичной библиотеки, который приглашал его посетить в Берлине редакцию эмигрантской газеты «Руль», на что получил отказ. Но несмотря на это, в газете была помещена заметка о прибытии известного историка в Берлин [Там же, с. 13].

Таким образом, если В. С. Брачев дает картину личных контактов С. Ф. Платонова, то публикуемые в приложении к статье документы позволяют утверждать, что командировка была с иными, научными, целями.

Н. В. Гришина в этой связи писала: «О постоянных деловых беседах с немецкими профессорами и обмене с ними “речами о взаимной важности укрепления вековой связи между течениями научной мысли в Германии и

России” указывал в отчёте историк С. Ф. Платонов, командированный в Берлин и Лейпциг в 1924 г.» [4, с. 30]. При этом исследовательница ссылается на фонды ГАРФ (Ф. 2307. Д. 564. Л. 78). Следовательно, там также отложились отдельные материалы этой поездки. Существуют документы, хранящиеся в разных архивах, информация которых перекликается: первая часть – в начале документа (№ 6), а вторая – в середине.

23 апреля 1924 г. Отделением исторических наук и филологии РАН было принято решение командировать С. Ф. Платонова, «широко известного за границей»¹, в Германию для «установления научных связей». На основании этого решения 29 числа того же месяца академик направляет в Главное управление научных учреждений и копию Непременному секретарю РАН ходатайство о решении этого вопроса и выдаче пособия «хотя бы» 300 руб. Он планировал отправиться уже 15 мая. Выдача заграничного паспорта и получение Мандата (№ 3) были устроены очень быстро. В этой связи следует упомянуть о специально созданной Комиссии по заграничным командировкам, которая упоминается в публикуемых материалах (№ 2, 3). Деятельность Комиссии была предметом изучения М. А. Андреева [2].

Отъезд был отодвинут на начало июля. В одном из писем А. Ф. Кони от 1 июля С. Ф. Платонов сообщал:

¹ Здесь и далее курсивом выделены фразы из публикуемых документов.

«...приглашение Ваше застало меня накануне отъезда в заграничную поездку и сборы мои, по некоторым обстоятельствам, так осложнились, что я просто не смогу вырваться сегодня вечером из дому» и продолжал: «Отправляясь "dahin, dahin"» [1, с. 248].

Историографическую ценность представляет в публикуемой подборке документов, конечно, Выписка из протокола Особого совещания РАН от 20 августа, где С. Ф. Платонов делал сообщение о своей поездке и выполнении тех задач, которые ставились перед ним во время командировки. Здесь же приведены лаконичные сведения о состоянии дел по продаже изданий АН и состоянии финансовых дел. 9 сентября, после получения, отчет фирмы «Voss-Sortiment» был представлен как дополнение к состоявшемуся выступлению. К сожалению, сведений об этом документе, который был передан в Издательскую комиссию РАН, пока не обнаружено.

Для нас важно, что сотрудничество с фирмой было продолжено. Так, по сведениям В. С. Соболева, РАН в 1926 г. «заключила долгосрочный договор с фирмой Voss-Sortiment в Лейпциге о систематической закупке научной литературы и о распространении академических изданий» [16, с. 65 – 66].

Ю. Х. Копелевич пишет о потоке немецкой литературы в СССР, который, по его наблюдениям, достиг «необычайной широты». А поставки «осуществлялись через издательские организации "Книга", "Международная книга", лейпцигский "Фосс сор-

timent" и другие книготорговые организации» [8, с. 153].

Вместо просимых 300 руб. академику было выдано 200 р., о расходовании которых он лаконично сообщил в своём отчете.

В начале следующего 1925 г., 13 февраля, С. Ф. Ольденбург писал о необходимости срочно дать отчет о расходовании выданных средств для представления в упомянутую выше Комиссию по заграничным командировкам. Несомненный интерес представляет приложенный к письму листок с информацией о механизме расчёта суммы на командировочные расходы: 1/30 месячной ставки и соотношение рубля к иностранной валюте целого ряда стран. Ввиду высокой инфляции в Германии и Австрии расчёт брался в американских долларах, для других перечисленных там стран – в национальных валютах.

Небольшое по содержанию архивное дело дает возможность существенно дополнить информацию о международных связях академика С. Ф. Платонова, его заграничной поездке в 1924 г. Оно же позволяет исправить и бытовавшие в этом вопросе искажения и неполноту.

Обращение С. Ф. Платонова к теме исторических и культурных связей в очередной его монографии не было случайным [13]. К тому же именно в Берлине годом раньше вышла его книга, раскрывающая новое направление его научных изысканий [12]. Эти факты логически вписываются в общую череду событий 1920-х гг.,

отражающих развитие научных связей советской страны с Германией.

Плодотворный опыт развития научных связей столетней давности – замечательное рациональное свидетельство взаимного стремления советских и европейских учёных к плодотворному сотрудничеству. Его история особенно актуальна в настоящее время, когда разорваны не только эконо-

мические, политические, научные обмены, но «цивилизованная» Европа пытается отменить и русскую культуру, и право России на суверенитет, и даже само ее существование. Обращение к прошлому состоянию научных связей позволит осмыслить и провести рефлексию невосполнимых потерь от влияния политической ситуации на науку.

Приложение

**Материалы о командировке С. Ф. Платонова в Германию
по делам Российской академии наук (1924 – 1925)¹**

№ 1

Копия

В Гл[авное] Управление Научн[ых] Учреждений
РАН

Непр[еменному] Секр[етарю]
29.IV.1924

№ 1059

Отделением Ист[орических] Наук и Филологии РАН, в заседании своём 23 IV с[его] г[ода], вынесено постановление о командировании за границу в Германию, сроком на 2 месяца, ак[адемика] С. Ф. Платонова для установления научных связей с проф[ессором] Höttsch², руководителем Seminar für Osteuropäische Geschichte³ в Берлине, специально изучающим СССР, а также для выяснения ряда вопросов, связанных с положением изданий Ак[адемии] Наук, как у бывшего комиссионера Ак[адемии] Наук Voss-Sortiment, так и у настоящего комиссионера Kriga, и, кроме того, для выяснения вопросов по обмену изданиями с учёными учреждениями через Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft⁴.

¹ Тексты документов печатаются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

² Гетч (Хётч) Отто (1879 – 1946) – германский историк и политический деятель. С 1912 г. – ординарный профессор Берлинского университета по кафедре истории. Специалист по истории России.

³ Семинар по истории Восточной Европы.

⁴ Общество содействия немецкой науки.

Вследствие произведённого постановления и принимая во внимание важное значение согласования работ советских и немецких научных деятелей в области истории и других ближайших к ней дисциплин – установить какое согласование, конечно, наилучшим образом может ак[адемик] С. Ф. Платонов, как современный историк, пользующийся широкой известностью за границей, – РАН обращается в Гл[авное] Упр[авления] Научн[ых] Учреждений с просьбой не отказать в разрешении командировать ак[адемика] С. Ф. Платонова в Германию с 15 мая с[его] г[ода] сроком на 2 месяца, с выдачей ему командировочного пособия из сумм Н[ар]К[ом]Проса, хотя бы в размере 300 р[у]б[лей].

Непр[еменный] Секр[етарь] Ак[адемик] (подп[ись]) Ольденбург
Упр[авление] Делами Конф[еренции] (скреп[лено]) Молос
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 1 – 1 об.

№ 2

Копия.

31 мая 1924 г.

В отдел управления

Ленинградское бюро совета.

Народный Комиссариат по просвещению командировывает академика Сергея Фёдоровича Платонова в Германию, сроком на 2 месяца, для установления научных связей с Германскими учёными и просит выдать ему заграничный паспорт.

Основание: Постановление Комиссии по Заграничным командировкам от 31/V – [19]24 год.

Замнарком по просвещению: Ходоровский¹

Секретарь Комиссии по заграничным командировкам:

С подлинным верно: /подпись/ Печать.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 2

*На бланке Народного Комиссариата по просвещению. Администр[ативно]-
организационное управление. № 6211-А/6390.*

№ 3

31 мая 1924 г.

Мандат.

Народный Комиссариат по просвещению командировывает академика Сергея Фёдоровича Платонова в Германию, сроком на 2 месяца, для установления научных связей с Германскими учёными.

¹ Ходоровский Иосиф Исаевич (1885 – 1938) – профессиональный революционер, участник Гражданской войны, советский государственный и партийный деятель. В 1922 – 1928 гг. работал в Наркомпросе РСФСР.

Все Органы Местной Советской Власти приглашаются оказывать тов[арищу] Платонову всяческое содействие в выполнении возложенных на него поручений.

Замнарком по просвещению: Ходоровский

Секретарь Комиссии по заграничным командировкам:

С подлинным верно: /подпись/ Печать.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 2

На бланке Народного Комиссариата по просвещению. Администр[ативно]-организационное управление. № 6210-А/6391.

№ 4

30 августа 1924 г.

Выписка из протокола

от 20.VIII.1924 г.

ОС Э 1924 VIII §

Ак[адемику] С. Ф. Платонову

Академик С. Ф. Платонов читал: Прибыв в Лейпциг в начале июля с[его] г[ода] я не застал там владельца фирмы Voss' Sortiment Jänisch'a, который был в отсутствии в виду семейного траура, а беседовал с его заместителем, обещавшим мне сообщить вскоре все данные по расчётам с РАН. Уезжая из Лейпцига, я просил проф[ессора] Ф. А. Брауна¹, живущего постоянно в Лейпциге, последить за данным делом и должен выразить Ф. А. Брауну самую горячую благодарность за оказанную им мне помощь. Когда я вторично проезжал через Лейпциг в конце июля, в моих руках находились уже все необходимые сведения по делу до подробного расчёта по сбыту Академических изданий за последние годы «die Abrechnung über den Absatz der Frfdemie»².

¹ Браун Фёдор Александрович (1862 – 1942) – русский филолог-германист, декан и профессор Петербургского/Петроградского университета (1905 – 1920). В 1921 г. получил командировку для научных работ в скандинавские государства и Германию и назад уже не вернулся. В 1922 г. был приглашён членом комиссии Наркомпроса по культурной связи (в Берлине). По поручению этой комиссии составил (совместно с доктором Г. Презентом) «Систематический обзор научной литературы Германии за 1914 – 1921 гг. в 7 т.» / сост. проф. Лейпциг. ун-та и изд. по поручению берл. представительства Нар. комиссариата просвещения под ред. проф. Петроград. ун-та Ф. А. Брауна и библи. Лейпциг. нем. б-ки д-ра Г. Презента. В 1921 г. получил звание почётного доктора Лейпцигского университета. С 15 января 1927 г. был членом-корреспондентом Академии наук СССР – отделение исторических наук и филологии по разряду исторических наук (история, германская филология). В 1923 – 1925 гг. был одним из редакторов журнала «Беседа».

² Урегулирование продаж.

Итоги этого расчёта изложены были в обстоятельном письме фирмы на моё имя от 18 июля.

Подробный расчёт я оставил у Voss'a для официальной пересылки его в РАН в виду неудобства везти в частном багаже целую книгу убористого письма с подробным перечнем изданий и точным указанием каждого проданного экземпляра. Письмо от Voss'a при сём прилагаю. В нём дан следующий итог расчёта:

За последние годы фирма продала изданий РАН на сумму 28832,94 зол[отых] марок; из них РАН получает 50 % – 14411,47 м[арок].

Разные учреждения РАН должны фирме по её счёту в общей сумме 13911,33 м[арок] – 147,29 м[арок], уплаченных в Берлине представителем Советского Правительства 13746,04.

Разность в пользу РАН 647,43 мар[ок].

Так как РАН имеет от фирмы залог в 1000 р., равный 3200 зол[отых] марок, то фирма считает, что в случае прекращения в будущем её комиссионерства, она должна получить от РАН эту сумму обратно, что за вычетом долга фирмы составит 2200 – 647,45 – 1552,57 марок. Если же комиссионерство останется впредь за фирмой, то фирма признаёт себя обязанною выплатить РАН упомянутый долг /т. е. разность/ в 647,43 марок.

Приведённый расчёт Voss'a подлежит, конечно, проверке, которая станет возможна в полной мере только тогда, когда РАН получит подробный расчёт die Abrechnung, упомянутый мною выше.

Как для окончательного сведения счетов, так и для решения вопроса о дальнейших отношениях РАН и формы Voss'a, представитель фирмы начал дело о разрешении ему поездки в Россию и надеется быть здесь осенью.

По сообщению фирмы, спрос на издания РАН за границей очень велик, и есть основания думать, что в ближайшие же месяцы удастся их продать тысяч на 100 зол[отых] марок, если не более. Фирма в настоящее время приобрела в собственность известный библиографический орган «Leterarisches Zentralblatt»¹ и указывает на то, что в её руках он может существенно послужить к оповещению об изданиях РАН.

Я полагал бы целесообразным, начав здесь проверку задолженности Voss'у Академических учреждений, теперь же запросить у Voss'a виденный мною его подробный расчёт и повторить пожелание о присылке уполномоченного для окончательного выяснения счетов и для заключения нового договора, если РАН оставит за фирмой комиссионные полномочия».

Положено: 1) просить фирму Voss Sortiment доставить РАН подробный отчёт по комиссионным операциям и 2) иметь ввиду названную фирму для возникновения вопроса о перемене нынешнего комиссионере.

За Непременный секретарь, Академик И. Крачковский².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 4 – 5 об.

На бланке РАН № 2006.

¹ Центральный литературный журнал.

² Крачковский Игнатий Юлианович (1883 – 1951) – академик, основатель отечественной арабистической школы.

11 сентября 1924 г.

Выписка из протокола
от 09.IX.1924 г.
ОС 1924 IX §

Ак[адемику] С. Ф. Платонову

Академик С. Ф. Платонов в дополнение к своему докладу ЭОС VIII.1924 г. представил отчёт б[ывшего] комиссионера РАН Voss' Sortiment по продаже изданий РАН.

Положено: передать в Издательскую комиссию.

Непременный Секретарь, Академик Сергей Ольденбург.

15/IX Voss' Sor[timent] Rossitr 5.7.L

Счит[аю] долгом изв[естить] Вас, что Ваше п[исьмо] и отчёт¹ по продажам изд[ания] с документами к нему мною получены и 9 с[его] сент[ября] доложены ОС РАН. К[ото]рое постановило передать их в Изд[ательскую] ком[иссию] РАН².

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 6

Ленинград. Университетская Набережная, 5 Российской Академии Наук.
№ 13278 Главнаука³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 7

№ 6

1. Академик С. Ф. Платонов.
2. Командирован от РАН.
3. Выехал 4 июля, возвратился 5 августа 1924 г.
4. Место командировки – Германия (Берлин и Лейпциг).
5. Учреждения, в которые был направлен:

В Берлине: а) Seminar für Jsteuropäische Geschicht при Берлинском университете; б) Deutsche Gesellschaft zum Studueru Jsteuropas.

В Лейпциге: Vos Sortiment.

Цель командировки в Берлин – восстановление научной связи с Берлинскими⁴ научными сферами, занятыми изучением истории и географии России, достигалась деловыми беседами с проф[ессорами] Höetzsch, Steleiv Palme, Jonas

¹ Далее слова *Ваш документ* зачёркнуты.

² Этот абзац дописан чернилами С. Ф. Платоновым.

³ Текст на конверте.

⁴ Далее *организациями* зачеркнуто.

и др. об организации книжного обмена между РАН и Seminar'om, о возможности командирования молодых учёных из СССР в Seminar и из Seminar'a в соответствующие Русские учреждения, о систематическом сообщении в РАН материалов по русской истории, находимых в Герм[анских] архивах (вроде записок Генриха Штадена¹ и т[ому] п[одобных]². Деловое общение завершилось 31 июля вечерним собранием³ в Hugverbandhaus'e тех нем[ецких] историков Берлинского ун[иверсите]та и названных выше Gesellschaft'a и Seminar'a⁴, которые пожелали приветствовать представителя России. Здесь кроме академика Платонова присутствовали члены⁵ представительства СССР в Берлине Братман-Бродовский⁶, Дмитриев⁷, Гринберг⁸. На этом собрании проф[ессор] Höttsch и акад[емик] Платонов обменялись речами о взаимной важности укрепления вековой связи⁹ между течениями научной мысли в Германии и России.

Цель ком[андировки] в Лейпциг – достижение ясности во взаимных расчётах между учреждениями РАН и Voss-Sortiment по книжному обмену и поставкам. Обст[оятельства] военного времени внесли в это дело некоторую запутанность, устранить к[ото]рую почтовыми отношениями не удавалось. В результате переговоров акад[емика] Платонова с названной фирмой РАН получила точный счёт продажи Акад[емических] изданий за границей в последние годы и такой же точный перечень денежных претензий фирмы к различным Академич[еским] учреждениям за посланные им фирмой¹⁰ книги.

В настоящее время доставленные академиком Платоновым счета Voss-Sortiment проверяют в Академ[ических] учреждениях, к коим они адресованы.

6. Акад[емиком] Пл[атоно]вым в субсидии на ком[андировку] было получено 200 р. Проезд в Штеттен и обратно на пароходах стоил с продовольствием 110 рублей. Остальные 90 руб. были израсходованы на оплату проживания с содержанием в Берлинском пансионе Zocha (по 5 г марок в день) и на железно-

¹ Генрих Штаден. Записки о Московии. В 2 т. Т. 1. Публикация. М. : Древлехранилище, 2008. 584 с.

² Далее начало предложения *Сведения* зачёркнуто.

³ Далее *Берлинских историков* зачёркнуто.

⁴ Далее *В этом собрании – первом ... ожидании диплом[атического] конфликта между СССР и Германией* зачёркнуто.

⁵ Далее *русск* зачёркнуто.

⁶ Братман-Бродовский Стефан Иоахимович (1880 – 1937) – советский дипломат, в 1924 – 1929 гг. – советник Полномочного представительства СССР в Германии, поверенный в делах СССР в Германии.

⁷ Сведений обнаружить не удалось.

⁸ Гринберг Захар Григорьевич (1889 – 1949) – учёный, редактор, публицист, историк, искусствовед, с 1920 г. – член Коллегии Наркомпроса РСФСР, представитель Наркомпроса в Германии.

⁹ Далее *принимающей стороны* зачёркнуто.

¹⁰ Далее *РАН* зачёркнуто.

ИСТОРИЯ

дор[ожные] поездки между Штеттенем и Берлином. И между Берлином и Лейпцигом, куда пришлось из Берл[ина] выезжать несколько раз, а так и на мелочные расходы, гл[авным] обр[азом], по передвижению в пределах Gross-Berlina. 22/XI.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 8 – 9 об.

№ 7

Срочно
13 февраля 1925 г.

Академику С. Ф. Платонову.

Многоуважаемый Сергей Фёдорович,

Главное Управление Научных Учреждений препроводило в Академии Наук отношение от 3 февраля с[его] г[ода] № 17091 с просьбой о представлении лицами, командированными в 1924 году за-границу, финансовых отчётов в израсходовании выданных им на командировку субсидий.

Препровождая при сём копию означенного отношения, прошу Вас не отказать в составлении мне соответствующего отчёта, с необходимыми приложениями, для направления его, по принадлежности, в Комиссию по заграничным командировкам.

Пользуясь случаем, прошу принять уверение в совершенном уважении.
Сергей Ольденбург.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 10

На бланке Непременного секретаря Российской Академии Наук № 707.

№ 8

Копия
9 февраля 1925 г.

Российской Академии Наук

для академиков: Стеклова, Платонова, Иоффе, Ферсмана, Карского,
проф. Филипченко и Глушкова.

По требованиям Финансово-Контрольного управления Наркомфина, Комиссия по заграничным командировкам просит представить в двухнедельный срок финансовый отчет на израсходование полученной Вами субсидии на заграничную командировку с приложением копии визированного паспорта или мандата и документов на расходы по найму помещения за границей.

Действительная стоимость проезда по жел[езной] дор[оге] и от вокзала и на вокзал оплачивается без представления документов.

¹ Черновик отчёта о командировке, написанный С. Ф. Платоновым.

Суточные начисляются из расчёта 1/30 месячной В[ашей]/ставки, а именно: для Америки – 350 амер[иканских] долларов, для Англии – 52,5 фун[тов] стер[лингов], для Германии 140 амер[иканских] долларов, для Австрии 122,5 ам[ериканских] долларов, Швеции – 1400 шв[ецких] крон, для Дании – 1400 дат[ских] крон, для Норвегии – 1575 норв[ежских] крон, для Италии – 3850 лир, для Чехословакии – 6800 чешск[их] крон.

Секретарь комиссии по заграничным командировкам
/подпись неразборчиво/

С подлинным верно: Помощник Управляющего Делами Конференции Российской Академии Наук 13 февраля 1925 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 11 – 11 об.

На бланке Наркомата просвещения. Главное управление научными, научно-худож[ественными] и музейными учреждениями (Главнаука). Научный отдел. № 1709/н.

Библиографические ссылки

1. Академик С. Ф. Платонов: переписка с историками : в 2 т. / сост. В. Г. Бухерт. М. : Наука, 2003. 388 с.

2. Андреев М. А. К вопросу об организации и деятельности Комиссии по заграничным командировкам Народного комиссариата по просвещению РСФСР (1921 – 1923 гг.) // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 10. С. 106 – 118.

3. Брачев В. С. Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. СПб. : Астерион, 2010. 768 с.

4. Гришина Н. В. «...Возможность проехаться и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского университета. История. 2018. № 51. С. 28 – 36.

5. Груздинская В. С. «Скоро будет три месяца, как я оставил берега Невы...». Письма А. А. Васильева академику С. Ф. Платонову из заграничной командировки. 1925 – 1928 гг. // Исторический архив. 2023. № 2. С. 3 – 16.

6. Груздинская В. С., Фролова Т. А. «Научная работа жива научным общением учёных», или Зачем советские учёные ездили за границу в 1920 – 1930-е гг.? (проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 81 – 88.

7. Долгова Е. А. Зарубежные командировки научных работников в 1920-е гг.: риторика и политические оценки // Время Коминтерна : материалы междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунист. Интернационала. М. : Изд-во ГПИБ, 2020. С. 157 – 168.

8. Копелевич Ю. Х. К истории советско-германских научных связей в 1926 – 1932 гг. // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция (1997). М. : Янус-К, 1997. Ч. 1. С. 153 – 155.

9. Митрофанов В. В. Проблемы Эски-Кермена в письмах Ф. Шмидта-Отта к С. Ф. Платонову // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 4(36). С. 5 – 22.

10. Митрофанов В. В. Научные связи Г. Йонаса с С. Ф. Платоновым // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2023. № 1 (37). С. 7 – 22.

11. Организация науки в первые годы Советской власти (1917 – 1925): сб. док. Л. : Наука, 1968. 436 с.

12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636. Л. 1 – 11.

12. Платонов С. Ф. Прошлое Русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Берлин : Обелиск, 1924. 107 с.

13. Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI – XVII веках. Л. : Сеятель, 1925. 150 с.

14. Платонова Н. Н. Дневник (1889 – 1921) / рук. проекта А. Н. Цамутали. Рязань, 2020. 881 с.

15. Розенфельд Г. Научные и культурные связи между СССР и Веймарской Республикой // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 71 – 83.

16. Соболев В. С. Из истории связей в области научно-технического сотрудничества между Германией и СССР во второй половине 1920-х годов // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 2. С. 60 – 67.

17. Тарасова Ю. М. Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии Наук (краткая история, современное состояние и перспективы развития [Электронный ресурс] // Российская библиотечная ассоциация. 2002. № 3. С. 4 – 10. URL: http://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag03/tarform.php?парка=12&id_sec=11 (дата обращения: 22.09.2023).

18. Шрёдер Х. Восточноевропейские исследования и политика в Германии // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 41 – 61.

19. Фойгт Г. Научные воззрения и общественно-политическая деятельность немецкого историка Восточной Европы Отто Гётча (1876 – 1946) / пер. С. В. Оболенской // История и историки: историогр. ежегодник. 1978 / отв. ред. М. В. Нечкина. М. : Наука, 1981. С. 127 – 147.

20. Geschichte Russland vom Beginn bis zur Jetztzeit. Leipzig, 1927. 462 p.

**UNKNOWN FACTS ABOUT S. F. PLATONOV'S BUSINESS TRIP
TO GERMANY IN 1924**

The 1920s were marked by a surge in scientific ties between Soviet and Western European scientists, primarily German ones. One of the most authoritative Russian historians S. F. Platonov was sent to Germany in 1924 for scientific purposes. In modern historiography, information about this trip varies and is very concise. The revealed archival materials allow us to fully clarify and determine the time of the trip, the duration of stay, and most importantly, to name its purpose. In addition, the route, the circle of persons with whom the academician negotiated on the sale of literature issued by the Russian Academy of Sciences, the circle of German scientists, Russian emigrants with whom certain issues of mutual interest were discussed, are restored. The published documents are important for understanding the role of S. F. Platonov in the development of communication links with foreign colleagues.

Keywords: S. F. Platonov, Russian Academy of Sciences, business trip, scientific purpose, book exchange, “Voss' Sortiment firm”, report.

УДК 94.100

С. Р. Повалишникова

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДЕЛЕ
ПОПЕЧЕНИЯ О ДЕТЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена анализу мероприятий, которые проводились благотворительными и государственными организациями, частными лицами в деле помощи детям в годы Первой мировой войны. Правительство и особенно земства сделали к началу войны очень многое для распространения медицинской помощи среди населения. Были созданы фельдшерские пункты на селе, сформирован штат врачей и других медицинских работников. Показано отношение жителей губернии к детским болезням и смертям, отражена работа детских приютов. Приведена статистика основных детских заболеваний, а также раскрыта роль организации яслей в деле попечения о детях.

Ключевые слова: Владимирская губерния, дети, детские приюты, Первая мировая война, социальная помощь.

Изучение положения детей в 1914 – 1918 годах как нельзя лучше помогает рассмотреть тему «маленького человека» в военное время, которая особенно актуальна в сложившейся в стране ситуации в связи с проведением специальной военной операции. Именно изучение положения детей в период

Первой мировой войны позволяет понять, какими были последствия военного конфликта для психологического здоровья нации. На общероссийском уровне данной темой занимались такие историки, как С. В. Голикова [6], Е. М. Петровичева [11], Н. А. Мицюк [10], Ю. О. Хоршева [13] и др. В их работах рассматривается устройство дошкольных учреждений в годы войны, анализируется положение матерей в 1914 – 1918 годах. На материалах Владимирского государственного архива основаны работы профессора Е. М. Петровичевой [12], которая исследовала проблемы народного образования и различные формы социальной практики земских учреждений накануне и в годы Первой мировой войны.

Первая мировая война внесла серьёзные изменения в институты социальной помощи. Основными видами помощи детям являлись воспитание, обучение, призрение, материальная и продовольственная помощь. Государство в военное время не было готово к признанию внебрачных детей, поскольку признавались только дети, рожденные в венчаном браке. Исключения были лишь для старообрядцев. Война ухудшила все показатели здоровья детей, довольно высокой была младенческая смертность. Младенцы рождались слабыми вследствие тяжелой работы и недоедания матерей и не получали достаточного ухода, так как роженица сразу возвращалась к труду. Многих спасало искусственное детское питание. Причем большая часть врачей в стране не признавала такой

вид вскармливания. Ведь когда речь шла об искусственном питании, имелись в виду аппараты для стерилизации коровьего молока. В условиях мировой войны меры по спасению жизни младенцев становились символом новой эпохи и гуманизма.

Уровень младенческой смертности наглядно свидетельствует о пониженном уровне жизни в годы Первой мировой войны. То, что рожали в поле, – это не литературный образ, а тяжелая повседневная действительность русской деревни того времени. Приросту же населения в военное время способствовало отсутствие аборт и контрацепции. Обращения за медицинской помощью были редки, в основном крестьяне полагались на Бога и лечились «как придется», хотя «близость врачебного пункта оказывает на крестьян довольно сильное влияние: чем ближе пункт, тем чаще обращаются туда крестьяне» [7, с. 94]. При этом везде можно было услышать рассказ, что в больнице режут и живыми хоронят. Люди верили, что если ребенку суждено умереть, то ничего ему не поможет. До революции врачи не пытались перестроить традиционное крестьянское мировоззрение, но после февраля 1917 года ситуация изменилась. В 1918 году был организован отдел по охране материнства и младенчества. Стали появляться медицинские журналы, агитплакаты, с помощью которых родителей призывали заботиться о детях.

До революции детей лечили народными средствами. Больное горло детям исцеляли мятой, огуречным рас-

солом, настаивали сено, солому, нагар из трубок. Причём мысль о том, что можно умереть именно от табачного нагара, даже не допускалась, ведь его давали «с наговором и молитвой» [1, л. 10 об]. Наибольшее число умерших детей фиксировалось в июле – августе. Скорее всего, это связано с сельскохозяйственными работами и занятостью на них матерей. Лечение грыжи у ребенка тоже было своеобразным: брали глиняный горшок, запускали туда мышь и опрокидывали его на живот, чтобы мышь отгрызла пупок. Грызун вытаскивал кишку вместе с пупком и наступала смерть. При этом крестьяне говорили: «Грыжа заела, и мышь пушала – и то не берет» [Там же; л. 13 об]. Для лечения различных хворей годовалого ребенка могли на час зимой вынести на мороз.

Причины смерти также показательны. В метрические книги добросовестные священнослужители записывали и причины гибели, хотя мы не знаем, кто и как ее устанавливал. Среди самых распространенных указаны: слабость, чахотка, горячка, понос, кашель, коклюш, простуда, водянка. Интересно, что в середине XIX века очень часто причиной смерти называлась слабость. Можно наверняка связать это с недостаточным питанием и уходом (что подтверждает чрезвычайно низкий уровень жизни крестьян), а также, вероятно, с незнанием настоящей причины смерти. К концу века среди причин смерти слабость встречается реже; перечень болезней, с которыми связывали смерть, расширяется: появились та-

кие причины, как убиение сердца, геморрой, дифтерит, скарлатина, сифилис. Большой проблемой была смерть новорожденных подкидышей. Это происходило из-за того, что многие из них уже находились в предсмертном состоянии на момент поступления в приют. Профессор Б. П. Бруханский связывал слабое здоровье таких деток с тем, что они были нежеланными или внебрачными [14, с. 61]. Также следует учитывать, что женщины, которые нанимались в кормилицы, часто имели своих грудных детей и, пытаясь заработать в сиротском доме, часто оставляли без внимания собственных детей.

С началом войны предпринимались попытки объединить государственную, общественную и благотворительную помощь под руководством единого комитета, однако в действительности приюты были вынуждены самостоятельно искать средства для существования. Многие детские приюты в военное время вошли в состав Ведомства учреждений императрицы Марии и получали значительную часть средств из источников, которые в новых реалиях не могли считаться надёжными, например сборы членских взносов, которые прежде поступали от многих лиц, заинтересованных предоставлявшимися им в попечительствах детских приютов должностями почетных членов, правами государственной службы, связанными с чиновничеством и получением почетных наград. Самыми популярными способами пожертвований были кружечные сборы. Они были церков-

ными и светскими. Человек, покупавший какой-либо сувенир, опускал деньги в опечатанную кружку с прорезью, которая затем уже, наполненная, отдавалась в благотворительную организацию.

Перед началом войны во Владимирской губернии существовало 16 приютов. Положение всех приютов было схожим. Его можно продемонстрировать на примере Александровского детского приюта, который был открыт в 1844 году на Большой Нижегородской улице в г. Владимире, в доме, пожертвованном потомственным почетным гражданином А. А. Никитиным. В нем еще в 1889 году предлагали открыть кулинарную школу по примеру Одессы, поскольку города нуждались в хороших и дешевых столовых. Однако средств для открытия так и не нашли. Приют содержался на проценты с принадлежащего губернскому попечительству капитала. Воспитанники делились на три группы. Первая – от 3 до 9 лет – занималась играми и училась дисциплине. Вторая – от 9 до 13 лет – обучалась грамоте по программе начального Народного училища и помогала по хозяйству. Третья категория – от 13 до 17 лет – вела домашние работы. Воспитанницы приюта каждый праздник пели на клиросе в Борисоглебской церкви. Содержание каждого ребенка обходилось в среднем в 138 рублей 29 копеек. К 23 ноября 1917 года приют имел неоплаченные счета за капусту – 400 рублей, за перевозку дров – 50 рублей. На тот момент в заведении содержалось 45 детей.

Из них 12 были круглыми сиротами, 12 имели отца и у 21 ребенка была только мать. Для содержания такого количества детей в год требовалось не менее 20 тысяч рублей, а Попечительство располагало не более 6 – 7 тысячами. Для того чтобы приют продолжил существование, было необходимо сократить количество детей минимум до 15 человек, сократить персонал и площадь для сдачи в наём. Основными болезнями в приюте были: инфлюэнца – 21 заболевший, чесотка – 3, золотуха – 8, кожные болезни – 3, болезни дыхательных путей – 9, воспаление сетчатки – 2, ревматизм – 1, неврология – 0, глазные болезни – 5, кишечное расстройство – 4, воспаление зева – 5, воспаление среднего уха – 2, малокровие – 3, туберкулез – 1.

К 1 января 1915 года социальный состав родителей девочек, находящихся в приюте, был таков: у двух девочек отцы были чиновниками, у 23 – мещанами, 26 детей – из числа крестьян, 1 незаконнорожденный ребенок, детей нижних воинских чинов не было [2, л. 7]. Возрастная группа девочек в 1915 году была следующей: 5, 8 и 9 лет – по 3 человека, 7 лет – 1 ученица, 10 лет – 11 воспитанниц, 11 лет – 10 человек, 12, 14 и 16 лет – по 5 девочек, 13 лет – 2 человека, 15 лет – 4 ученицы [2, л. 7 об]. Из-за тяжелого финансового положения в октябре 1917 года приют был закрыт. В таком же положении находился Пестяковский детский приют Гороховецкого уезда – абсолютно никаких денежных средств у него не было, а необходимо было найти 1500

рублей. Когда приют подлежал закрытию, призреваемых ждала незавидная участь – отправиться на улицу. Все дети, содержащиеся в заведении, были здоровыми, работали в огородах. Следует отметить, что приют мог вместить и содержать несколько десятков детей, а требовалось пристроить сотни человек. Тем не менее в октябре 1917 года был открыт детский дом в Иваново-Вознесенске. Заработная плата заведующей составляла 300 рублей, библиотекаря – 250, а сторожа – 75 рублей [4, л. 1].

Причины, по которым дети оказывались в приютах, были различными. У одних погибли родители, а кого-то отдали добровольно. Так, в 1916 году С. Д. Жигалов из села Новое, призванный на войну фельдшером, в связи со смертью жены просил принять его четырехлетнюю дочь в приют до его возвращения [3, л. 1]. Другие указывали причиной низкий заработок, большое количество детей, отсутствие мужа или жены. Например, Л. Ф. Горбатова из Сосинок передала сына в усыновление сестре, а дочь – в приют по причине того, что была вдовой, имела пять детей и работала прачкой [3, л. 39].

Также большое внимание в годы войны уделялось устройству яслей. Первые ясли во Владимире были открыты еще в 1905 году на ул. Спасской. Главной их целью была борьба с болезнями и смертностью. Кроме того, матери, благодаря яслям, стали учиться заботиться о детях, получали знания в области кормления и гигиены. Дошкольные учреждения были важны с

точки зрения противопожарной безопасности, так как нередко оставленные дома маленькие дети устраивали возгорания. Ясли находились в Юрьевском, Покровском, Муромском, Переславском, Судогодском, Ковровском уездах. В Суздальском уезде яслей не было, так как в каждом селении находились лица для надзора за детьми, а в Гороховецком дошкольные учреждения не устраивались, поскольку полевых работ было мало и крестьяне несколько раз за день могли зайти домой, чтобы проверить своих чад. Были ясли, которые можно назвать дневными приютами для детей. Дети с раннего утра собирались в избе или школе. Здесь их кормили три раза в день – давали кулеш с салом, борщ с салом или мясом, кашу, молоко, хлеб. Таким образом, ясли выполняли и продовольственную функцию, которая в условиях войны была одной из важнейших.

Другой тип яслей был упрощенным. Своего инвентаря там не было. Посуду, колыбели крестьяне приносили сами. Для сна вместо кроватей часто использовали бельевые корзины. Более взрослые дети могли спать на полу, на подстилке из сена или соломы. В учреждении находилась одна няня на 20 – 25 детей.

Было заметно влияние детских учреждений на ребят. Они попадали туда неопрятными, грязными, кричали, плакали, всего боялись, но спустя время становились более спокойными, аккуратными, дисциплинированными. Дети даже требовали от родителей, чтобы те тщательнее следили за их внешним

видом. Большое внимание в саду уделяли развитию речи: малышам предлагали рассказывать по картинкам, сочинять сказки, рассказы в связи с прогулками, праздниками, загадывать загадки друг другу. Проводились экскурсии, устраивались праздники. Летом дети целый день находились на свежем воздухе.

Война привнесла новые задачи в социальную сферу. Она дала новый

импульс развитию дошкольного воспитания, большую роль стало играть общественное воспитание. Однако, несмотря на старания администрации и органов самоуправления Владимирской губернии в деле заботы о детях и борьбе с беспризорностью, количество детских учреждений было небольшим, а их финансирование очень скудным, что не позволяло им выполнять свои функции в полной мере.

Библиографические ссылки

1. ГАВО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 430.
2. ГАВО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 541.
3. ГАВО. Ф. 540. Оп. 1. Д. 557.
4. ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5790.
5. Алексеева В. В. Организация дошкольного воспитания в Российской империи в годы Первой мировой войны // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 9 – 13.
6. Голикова С. В. «Социалка», возвращенная войной: распространение детских яслей на Урале в Первую мировую // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 69 – 73.
7. Зайкова А. С. К вопросу о «сладкой» жизни русских крестьян до революции // Суздальский сборник за 2018 год. Владимир, 2019. С. 92 – 96.
8. Колганова Е. В. Общественная полемика об организации яслей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 6. С. 60 – 73.
9. Микиртичан Г. Л. Показатели здоровья и помощь детям в годы Первой мировой войны // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2014. № 1. С. 143 – 145.
10. Мицюк Н. А. Охрана материнства и младенчества в России в условиях Первой мировой войны // Вестник ТвГУ. Сер.: История (1). 2016. С. 86 – 100.
11. Петровичева Е. М. Роль земского самоуправления в развитии системы общественного призрения накануне 1917 г. // Революция 1917 г. в России: истоки, оценки, значение : сб. материалов по итогам междунар. науч. конф. 24 – 25 окт. 2017 г., г. Владимир. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2019. С. 57 – 64 ; *Ее же.*

Земская помощь семьям фронтовиков в деревне Центральной России в годы Первой мировой войны // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века. Владимир, 2018. С. 78 – 81.

12. Петровичева Е. М., Митрофанова А. С. Проблемы народного образования и общественного призрения во Владимирской губернии в годы Первой мировой войны // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование. Владимир, 2017. Т. 14. С. 234 – 238.

13. Хоршева Ю. О. Правовые особенности социального призрения детей накануне и в начале Первой мировой войны // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С. 61.

14. Фёдоров А. Н. Охрана материнства и детства в Советской России в условиях революции и Гражданской войны (1917 – 1920 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. С. 175 – 182.

S. R. Povalishnikova

**THE GOVERNMENT AND SOCIETY OF THE VLADIMIR PROVINCE
IN THE CARE OF CHILDREN DURING THE FIRST WORLD WAR**

The article is devoted to the analysis of activities that were carried out by charitable and state organizations, private individuals in helping children during the First World War. The government and especially zemstvos had done a lot by the beginning of the war to spread medical care among the population. Paramedic stations were established in villages. A staff of doctors and other medical workers had been formed. The paper shows the province inhabitants' attitude to children's diseases and deaths, reflects the work of orphanages. The author provides statistics on the main childhood diseases and also reveals the role of the organization of nurseries in the care of children.

Keywords: the Vladimir province, children, orphanages, the First World War, social assistance.

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ КЛЮЧИ К РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ВЫГОТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУССИИ

В статье реконструируется понятие картинного воображения, стоящее за историческими рассуждениями о функции басни в книге Л. С. Выготского «Психология искусства». Впервые показано, как авангардный тип перформативности, современный Выготскому, позволил создать непротиворечивое представление о басне И. А. Крылова как малой трагедии. Выготский обращался к конкретным педагогам в период педагогических реформ раннего советского времени, и его рассуждения подразумевают различия между реквизитом профессионального театра и условным реквизитом школьной драмы. Искусствоведческие ключи, такие как история сценографии и проекции изображений, а также кризис классицистской системы жанров и причины возникновения бидермейера позволяют дать наиболее последовательное и продуктивное изложение мысли Выготского, в том числе для историков русской литературы.

Ключевые слова: Выготский, Крылов, басня, стиль, перформативность, реквизит, школьный театр, литературная педагогика.

Чтение со студентами классического труда Л. С. Выготского «Психология искусства» (1925) [2] ставит вопрос об искусствоведческом подходе к литературе. Эта книга выросла из опыта переподготовки школьных учителей и, если смотреть шире, из всей индустрии подготовки педагогов, развернутой в первые годы советской власти. Выготский разбирает известный учителям материал: целых две главы книги, пятую и шестую, посвящает басням И. С. Крылова с целью доказать, что поэтическая басня – не прикладной жанр, а самостоятельное произведение

с завязкой, кульминацией и катартической развязкой.

Согласно Выготскому, мораль в басне *катартична* – она наводит порядок, проясняет ситуацию, которая не видна изнутри действия. Но главное, в басне есть собственные режимы развития действия, не подражающие ни природным режимам, ни социальным – в природе животные не будут обмениваться риторически последовательно организованными репликами, тогда как в социальной жизни суждение о неправоте кого-то не нуждается в басне как поэтическом произведении,

для этого достаточно аллегории, или прикладной морали. Действие в басне совершенно автономно: различные несовместимые риторики героев создают общее поле непредрежденности, неопределенности, когда мы зависаем между сочувствием жертве и сомнением в том, что сюжет жертвоприношения должен обязательно разыгрываться.

Басня Крылова, согласно Выготскому, представляет собой полноценное произведение искусства, со своими законами, своим способом развертывания действия. Но она же – когнитивный парадокс, в котором отдельные риторики героев понятны, как понятны и их желания, но исход действия вызывает протест. Однако именно в момент наибольшего протеста мы и понимаем мораль басни как *наводящую порядок* уже в нашем мире и ограничивающую число жертвоприношений и беззаконий.

Выготский опирается и на классицистскую теорию басни, принадлежащую Г.-Э. Лессингу, и на романтическую теорию, обоснованную А. А. Потебнёй, но всякий раз порывает с теорией и идет дальше. В классицизме басне было отведено предсказуемое место низкого жанра, необходимого в иерархии жанров, – что в живописи соответствует бытовой сцене. Лессинг, обосновывая возможность поэтической басни, обрушиваясь на Эзопа и Лафонтена как на слишком прозаичных, просто доказывал возможность воображения.

В живописи это соответствует, скорее, уже неоклассицистской эсте-

тике «бидермейера», где бытовое начинает пониматься как созерцаемое, как то, что позволяет переживать не меньшие по силе душевные движения, чем великое и историческое. Не случайно Лессинг бранил Лафонтена за превращение басни в камерный жанр уже не только по содержанию, но и по эмоциональной перформативности [1, с. 199]. Зритель бытовой сцены, при соблюдении условий Лессинга, тогда переживает не меньше, чем зритель исторической живописи, – просто эти переживания другие, *другого круга и другого полета*.

Для Выготского, хотя он не обсуждает искусствоведческий вектор мысли Лессинга, это ключевой момент его аргументации: он ставит в своей книге в один ряд басню, новеллу и трагедию, показывая, что переживания здесь, хотя и могут оцениваться по-разному, структурно организованы одинаковым образом – мы можем, читая басню, пережить какие-то важные моменты в понимании мира не меньше, чем при чтении трагедии. Правда, «ключ» к своему рассуждению Выготский даёт только в последней главе, когда спорит с теорией «заражения» Л. Н. Толстого [2, с. 325 – 326] – тем самым он говорит, что если трагедию и считают эффектнее и солиднее басни, то только из-за ее перформативных режимов исполнения. Как раз Толстой, сказавший, что народная песня заразительнее скучного театра, *обнажил приём* – показал, что мы принимаем часто за сущность искусства перформативные обстоятельства.

Тем самым Выготский, отталкиваясь и от Лессинга, и от Толстого, отказывается сводить перформативность к эмфатичности, к усилению эмфатического момента в одном из маргинальных жанров, но ищет более общую форму трагического, внутри которой и будут возможны и высокий исторический жанр трагедии, и средний жанр новеллы, и низкий жанр басни. Но здесь замечательно, что полемика с Толстым этим не ограничивается. Толстой говорит о воздействии музыки как о призыве к действию, как о той эмоциональной разрядке, которая требует нового, еще более разряжающего действия: марш ведет на битву, а «Крейцера соната» – на убийство [2, с. 325]. Можно предположить сразу, что марш ведет на битву тогда, когда есть определенный реквизит, скажем, военная форма на актерах.

В этом смысле в театре маршевая музыка будет вдохновлять актеров, играющих солдат, но только если введен реквизит, иначе солдаты просто будут изображать свое отношение к маршевой музыке, некоторую риторику жестов, но не само действие музыки. Выготский выводит теорию катарсиса как высвобождения психических сил с помощью сложно организованного произведения, именно исходя из этого примера музыки как мотивирующей психической силы, хотя и не упоминает реквизит [Там же, с. 327]. Музыка нас ведет к действию тогда, когда есть реквизит действия. Но если

этот реквизит условный, театральный, то тогда музыка создает не реальное, а сценическое убийство.

Полемика Выготского с Потебней интереснее именно тем, что реквизит здесь появляется как тема, и искусствоведческая проблема условности уже не скрыта за условностями риторики какого-то отдельного жанра. Для Потебни образность языка служит исходной точкой для образности художественной литературы, поэтому басня вырастает из речевой аллегории. Здесь Выготский вскрывает незаконную перформативность у самого Потебни, который, обвиняя составную басню с моралью в подмене общего поэтического впечатления разбором частных случаев, как бы в их контрабанде, сужении значения басни до отдельной социальной практики, сам «контрабандой» проводит перформативность в свою теорию.

Так, Потебня сравнивает автора составной басни с продавцом игрушек, который сразу начинает объяснять применение игрушки [2, с. 123]. Но объяснять такое применение – как раз перформативный жест, создание правил игры. Потебня вынужден вводить некоторую безусловную житейскую перформативность, торговлю игрушками, чтобы видеть в басне уже только совершенно условную речевую аллегорию. Тогда как составная басня, доказывает Выготский, не перформативна: в ней просто создается столкновение разных планов и то самое *когнитивное противоречие*, из которого и

вырастает признание чего-то произведением искусства. Теория Потемби, таким образом, не позволяет расстаться с безусловной перформативностью и принимать только условную перформативность.

Когнитивное противоречие Выготский видит и в пьесах А. П. Чехова: никак не мотивирована ни тоска трех сестер по Москве, ни ностальгия Раневской по вишневному саду, но именно этот их аффект создает автономию действия, когда «в ткань совершенно реальных и бытовых отношений вплетается какой-то ирреальный мотив, который начинает приниматься нами также за совершенно психологически реальный мотив, и борьба этих двух несовместимых мотивов и дает то противоречие, которое необходимо должно быть разрешено в катарсисе и без которого нет искусства» [2, с. 304].

Итак, получается, что Чехов вводит совсем условный реквизит, вроде того же вишневого сада или далекой Москвы. В существующей сценографии он может быть по-разному передан: и как действительный сад с вишнями, и как вишневого цвета задник, и как дорожный указатель с надписью «Вишневый сад» – анализ всех этих вариантов не входит в нашу задачу. Но именно такой условный реквизит и позволяет действию восприниматься не как призыв к чему-то, но оставаться автономной структурой, превращающей когнитивное противоречие в *противочувствие*, имеющее уже социальный смысл – лучшее по-

нимание социальной организации индивидуального и коллективного опыта.

Но как раз с баснями Крылова происходит самое интересное, что и должно привлечь внимание искусствоведа. Исторический контекст этого обращения к басням хорошо реконструирован в статье А. А. Сенькиной [5, с. 48 – 50]: комплексный метод преподавания того времени, объединение школьных предметов в предметно-тематические социально ориентированные комплексы заблокировали использование басен Крылова для обучения русскому языку. Они окончательно стали частью литературы, предметного высказывания об окружающем мире и тем самым оказались, по сути, самым простым художественным произведением, говорящим не только об исторической, социальной реальности, но и о современном социальном опыте. Басни Крылова в каком-то смысле стали примером *современного искусства*.

Вошедшие в школьный канон басни Крылова не меньше, чем паузы Чехова, по Выготскому, имеют немотивированные аффекты: зачем Волку что-то доказывать Ягненку или зачем собакам на псарне слушать Волка? Выготский говорит о конструкции двух несовместимых мотивов. Например, в басне «Ворона и лисица» достигают апогея как риторическая лесть, так и прямое сюжетное издевательство [2, с. 184]. Катартический порядок указывает на то, что лесть и «гносна», и «вредна», то есть она выступает как издевательство, поругание, а не просто

как частная стратегия для достижения целей. В басне «Мор зверей» патетическое поведение вола не просто указывает на лицемерие зверей, как в соответствующей басне Лафонтена, но достигает настоящего апофеоза трагического мученичества. Катартический эффект здесь создается тем, что простодушие вола постоянно проявляет себя в очень искренних словах, развертывает искренность как нечто несомненное для читателя, вол перестает быть условным персонажем, но именно принесение его в жертву показывает, что лицемерие не столько манипулятивно, сколько прямо преступно. Мы видим не только преступление, но и героический сюжет, достойный трагедии: противочувствие дает нам понять всё социальное значение искусства, уже не сводящееся ни к риторическому воображению, ни к бытовой разрядке эмоций.

Но прежде немотивированных аффектов в баснях школьного канона мы замечаем реквизит, который никак не мог быть подразумеваем логикой басни. Понятно, что в природе лиса скорее съест ворону, чем сыр; и у Эзопа ворона украла мясо, тогда как сыр появился в латинской версии Федра и оттуда стал кочевать по всем переработкам басни, вплоть до Крылова. При этом у Крылова уходит главное – что сыр был краденым и что общим фоном происходящего оказывается своеобразная kleptomания и Вороны, и Лисицы.

Классическая басня говорит о власти страстей и о том, что страсть

может быть перебита только еще более сильной страстью, а именно тщеславием. У Лафонтена Лиса льстит Ворону как аристократу, она выступает в роли мелкого дворянина, лестью добивающегося расположения покровителя и обманывающего его, – для Выготского это признак плоской басни, «одно из чувств получает слишком явный перевес, и басня пропадает» [2, с. 153]. В классицизме правит социально-политическая сатира, где кража сыра – одна из сатирических подробностей.

В версии Крылова сыр оказывается чем-то вроде реквизита: он достался вороне, чтобы просто было действие с тем самым «противочувствием», одновременной эмпатией и растерянностью, которого и добивается Выготский, выступая перед аудиторией на курсах переподготовки учителей. Можно представить школьный театр, в котором есть реквизит, например кусок картона с надписью «сыр», и этот реквизит тогда и создает трагическую или драматическую структуру трагедии, в которой различные риторики сталкиваются, наши чувства стоят над этими риториками, но в конце концов и они очищаются благодаря катартической морали, от них мы освобождаемся.

Так же точно, как реквизит, можно представить дом Муравья в басне «Стрекоза и Муравей». Эта басня Крылова была опубликована в том же 1808 году, что и «Ворона и Лисица», и так же в нее было введено мнимое родство героев: Лисица называет Ворону «сестрицей», а Стрекоза Мура-

вья – «кумом». В отличие от сюжета Лафонтена, где Цикада нуждалась только в еде, она умирала от голода и готова была вернуть долг следующим летом, у Крылова стрекоза, не умеющая зарабатывать на жизнь, мерзнет – это первое, на что мы обращаем внимание при чтении: «с зимой холодной / Нужда, голод настает».

Поэтому Стрекоза просит пустить ее до конца зимы – иначе говоря, муравейник представляется как условный дом, как реквизит, который и создает уже сами структуры эмфатической риторики: Стрекоза просит о чрезмерном, тогда как Муравей своим «попляши» и приговаривает Стрекозу к смерти, и возвращает ей все ее телесное красноречие – продолжай развиваться. Выготский видит здесь переход от временного бедствия к окончательному [2, с. 159 – 160], в котором герои уже действуют не с помощью увещаний, а с помощью жестов. Наше сочувствие героям исчезает, и мы только катартически переживаем трагическую ситуацию, в которой Стрекоза гибнет физически, а Муравей – морально.

Акцент на слове «попляши», который делает Выготский для обоснования своей версии искусства басни, конечно, соответствует школьному чтению, когда начинающие чтецы любят выделять последнее слово как некоторую точку в высказывании, проносить его громче других. Когда мы видим реквизит, а именно дом Стрекозы, то мы вполне можем понимать всё происходящее (по Выготскому) как трагедию. Если же ребенок просто де-

кламирует басню, то мы запоминаем жестокость Муравья, противоречащую общему вектору школьной морали – воспитанию трудолюбия. Чуть ли не при жизни Крылова от школьников уже начали требовать читать басни вслух и самим объяснять, чему они учат [4, с. 43], что, конечно, означало передачу всех перформативных прав на басню школьникам с непредсказуемым развитием внутреннего восприятия.

Сам Выготский со ссылкой на выступление Водовозова (1862) говорит, что дети не сочувствуют Муравью, но легко подхватывают перформативность стиха, в частности необычный для Крылова хорей [2, с. 159], напоминающий о пляске. Но именно индивидуальное чтение басни и провоцирует ненависть к Муравью. Пример этого – рассуждение композитора и богослова первой русской эмиграции В. Н. Ильина из дневника: «Позавчера, в сочельник, у о. Александра Киселева одна милая деточка – девочка лет 7 – 8 прочитала бойко басню Крылова “Стрекоза и муравей”. (...) Муравей – гнусная, злобная сатанинская тварь, заклятая тварь вместе со своим проклятым безрадостным трудом. А стрекоза – бедная артистка, райское создание, обреченная на голод, скитания и мученическую смерть. Но с нею ангел Христов, она – луч Софии, на ней благословение первозданной красоты, бескорыстного служения ей. И в конце концов победит красота, а муравей будет раздавлен, а его проклятая куча – сожжена Божиим огнем» [3, с. 16].

Как видим, В. Н. Ильин разыгрывает заново ситуацию этой малой трагедии уже в ключе упрощенного символизма, превращенного в плоскую характерологию: над одними тяготеет проклятие, а другие – избраны для Творчества с его парарелигиозными перспективами. Но здесь замечательно, что чтение наизусть и внушает мысль, что Стрекоза зарабатывать не умеет, чего не подразумевал вариант Лафонтена и что прямо не сказано у Крылова – просто чтение вслух создаёт впечатление, что стрекоза только танцует. Тогда как разыгрывание басни на сцене с реквизитом, по-авангардному минималистичным, как раз подразумевает интерпретацию Выготского, который представляет басню как серию картин.

В этой серии речь каждого персонажа открывает определенные картины: «И опять вся сила басни заключается в том контрасте, который положен в ее основу, когда все время перебивающиеся картины прежнего веселья и беззаботности сопоставляются и перебиваются картинами теперешнего несчастья стрекозы. Мы могли бы сказать так, как прежде, что мы воспринимаем басню все время в двух планах, что сама стрекоза все время перед нами поворачивается то одним, то другим своим лицом и злая тоска в этой басне так легко перепрыгивает на мягкую резвость, что басня благодаря этому получает возможность развить свое противочувствие, которое лежит у нее в основе. Можно показать, что по мере усиления одной картины сейчас же усиливается и противоположная.

Всякий вопрос муравья, напоминающий о теперешнем бедствии, перебивается как раз обратным по смыслу восторженным рассказом стрекозы, и муравей нужен, конечно, только для того, чтобы довести эту двойственность до апогея и там обернуть ее в замечательной двусмысленности» [2, с. 159].

Сама идея *картин* означает, что декламация не должна заглушать какие-то отдельные образные комплексы из жизни героев, не должна представлять эти *фантомы воображения* как *риторические уловки*. И как раз простейший реквизит вроде дома останавливает это поглощение риторикой отдельных картин, представляя всякий раз предмет, который содержится в вопросе или в ответе – Стрекоза помнит, что ей был готов и стол, и дом, но это сказано повествователем, а не Стрекозой; и поэтому мы, глядя на дом, лучше и непосредственнее понимаем и вопрос Муравья, и ответ Стрекозы.

Это уже не столкновение двух риторик: обязывающей риторики Стрекозы и снимающей с себя всякие обязательства риторики Муравья, каждая из которых может быть весьма сильной, но именно смена картин. Происходит ритмическая смена жанровых сцен, как в проекторе, волшебном фонаре, который уже во времена Крылова из взрослого научного увлечения превратился в детскую игрушку, так что в конце концов устанавливается итоговая жанровая сцена, уже трагичная.

В своем моральном чувстве мы становимся выше этой трагичной сцены, потому что сама структура проти-

вочувствия требует быть и над риторикой, и над развитием отдельных действий. Тогда как любое порицание Стрекозы или Муравья будет сужением перформативности до отдельных эмфатических приемов реальной сценографии или нашего воображения.

С. С. Аверинцев тонко сопоставил басню Лафонтена с развитием педагогики в раннее Новое время, требовавшей в том числе и школьного театра. Равновесие между поучительностью и занимательностью соотносится с определенным возрастом культуры: «Это равновесие, соответствующее неповторимой пропорции между зрелой опытностью и наивностью существования культуры, имеет аналоги в определенных феноменах вроде иезуитской школьной драмы, вообще в новом стиле педагогики, стремящемся елико возможно заменять репрессивное поношение школьников воздействием на их честолюбие, любопытство к наглядному примеру, интерес к зрелищам и т. п.» [1, с. 191].

Получается, что как раз здесь басня оказывалась в одном ряду со школьными пособиями и подразумевала, что принятие морали – это и есть сдача экзамена. Но как только мы меняем наглядные и натуралистически точные пособия на условный реквизит, так сразу получаем не басню Лафонтена, а басню Крылова, в которой как раз честолюбие и любопытство оказываются теми риторически обеспеченными страстями, от которых в конце концов надлежит отказаться. А лучше отказаться как можно скорее, что и про-

исходит в баснях Крылова, вошедших в школьный канон.

При этом сужение басни до эффектов языковой аллегории у Потебни тогда можно уподобить преподаванию и школьным постановкам без реквизита, дабы не ограничивать «игрушки» реквизита их функциями. Выготский всё же не согласен с такой трактовкой перформативности. Он не согласен и с Толстым, у которого в конце концов весь театр и вся ложная социальная жизнь состоят только из безусловного реквизита, из фантомов воображения, не обладающих перформативностью условного реквизита. Для Выготского и эта трактовка недостаточна, так как связывает реквизит уже не функциями, а социальными ситуациями.

Для Выготского, человека революционной эпохи, революционное открытие новых ситуаций и возможностей – это и есть время, когда условный реквизит работает. Поэтому читать Выготского – это означает и смотреть авангардные театральные постановки и оформление праздников в первые годы советской власти.

Такие искусствоведческие понятия, как бидермейер и авангард, дали возможность понять, что именно имел в виду Выготский, когда говорил о катартичности басни. Более того, искусствоведческое понимание воображения и перформативности, действительных или мысленных картин, а также экскурс в эпоху волшебных фонарей позволили выявить потенциал мысли Выготского для современных, в том числе и школьных, интерпретаций басен.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Лафонтеновская парадигма и русский спор о басне: Вяземский versus Крылов // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2002. Vol. 48. Pp. 189 – 202.
2. Выготский Л. С. Психология искусства. Ростов н/Д. : Феникс, 1998. 480 с.
3. Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. СПб. : Акрополь, 1997. 466 с.
4. Митрофанов В. В. Итоги инспекторской проверки ряда учебных заведений Тобольской губернии в 1848 г. // История и краеведение Западной Сибири: проблемы и перспективы изучения : сб. материалов IV регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Ишим, 7 – 8 нояб. 2012 г. Ишим : Ишим. гос. пед. ун-т, 2013. С. 40 – 51.
5. Сенькина А. А. Крылов в школьном чтении // Конструируя детское: филология, история, антропология. М. ; СПб. : Азимут, 2011. С. 132 – 149.

A. V. Markov

**ART HISTORICAL KEYS TO RUSSIAN LITERATURE:
VYGOTSKY AND CONTEMPORARY DEBATES**

This article reconstructs the notion of pictorial imagination behind the historical discourse on the function of the fable in Vygotsky's *Psychology of Art*. It is first shown how the avant-garde type of performativity contemporary to Vygotsky allowed him to create a consistent view of Krylov's fable as a minor tragedy. Vygotsky was addressing specific educators during the pedagogical reforms of the early Soviet era, and his reasoning implies differences between the props of professional theater and the conventional props of school drama. Art historical clues, such as the history of scenography and image projection, as well as the crisis of the classicist system of genres and the reasons for the emergence of Biedermeier, provide the most coherent and productive presentation of Vygotsky's thought for historians of Russian literature.

Keywords: Vygotsky, Krylov, fable, style, performativity, props, school theater, literary pedagogy.

УДК 2

Е. И. Аринин, М. С. Лютаева, Н. М. Маркова, В. С. Мартиросян

РЕЛИГИЯ, ЛИТЕРАТУРА И РЕЛИГИОЗНОСТЬ АВТОРА

Статья представляет собой попытку философско-религиоведческого подхода к феномену «литература», который рассматривается в контексте поиска истины в противостоянии универсально-исторического и уникально-авторского (на примере рассказов А. П. Чехова) аспектов бытия личности в вечности. Первый анализирует тексты, которые десятки тысячелетий бытовали как устная речь, превратившись в первых урбанистических культурах около 10 000 лет назад в письменные документы, позволяющие вести учет имущества, с одной стороны, и, с другой – зафиксировать локальные «сакральные» предания (мифы, эпосы и т. п.). Религия понимается как универсальный феномен практик «надзора за неизвестным» (Луман), а религиозность, соответственно, как исторически особые формы уникально-личностного переживания таких солидарных практик. Авторские особенности творчества А. П. Чехова выступают как манифестация переломного характера в конкретном индивиде общей российской религиозности конца XIX – начала XX века, выделяясь напряженным поиском гармонии между «вечным» и «мгновенным».

Ключевые слова: философия религии, философское религиоведение, литература, литературоведение, религия, религиозность, автор.

Введение

Феномен «литература» понимается в современной культуре как ряд последовательно утверждаемых форм знаковой социальной коммуникации, которые, помимо прочего, фокусируются на таких различениях, как письменное/устное и точное/метафорическое. В статье литература рассматривается в глобальном и уникальном аспектах. Оба так или иначе основаны на сообщениях, сотни тысяч лет бытующих как устная речь, поддерживающих самосохранение индивидов в границах

того или иного солидарного сообщества, дополнившись около 10 000 лет назад изобретением письменных документов и локальных литератур, возникающих в урбанистических культурах первых городов. Здесь тексты стали использовать для обозначения, с одной стороны, элементов прагматичной хозяйственной жизни, включая точный учет предметов (голов скота, мешков зерна и т. п.), входящих в сферу «освоенного» («рутинного»), а с другой – для презентации сферы «неосвоенного» («неизвестного»), которая

изображалась в повествованиях о деятельности незримых «сил» («демонов», «богов» и т. п.), обозначаемых соответствующими «религионимами», позволявшими конструировать «мифы» («поэзию», «предания отцов» и т. п.), которые открывали особый контекст сложного бытия индивида в мире, где практики отношения к «освоенному» (механическое манипулирование, насильственное принуждение) всегда дополнялись особыми практиками отношения к «неизвестному». Последние, как показывает антропология, во всех культурах связаны с «магией», «мантикой» («гаданиями») и «жертвенными дарами» («умилостивлением»), в которых переживание «страха и трепета» от неудач столкновения с «хаосом» сочеталось с «восхищением и восторгом» в случае обретения успешного результата и его закрепления как «космоса». Психологи, как это предложил, опираясь на идеи И. П. Павлова (1849 – 1936), один из классиков этого направления Б. Скиннер (Burrhus Frederic Skinner, 1904 – 1990) в рамках известной теории «оперантного обусловливания», описывают такие феномены в рамках ряда проектов, таких как «суеверия голубей», «самосбывающиеся пророчества» и т. п. В целом дистанцирование «поэтического» («воображенного», «придуманного») и «прагматического» («реального», «конструктивного») выступает как ключевое в междисциплинарном (философия, религиоведение и литературоведение) понимании становления преемственных образов описаний подлинной жизни каждого ин-

дивида в мироздании (борьбе «космоса и хаоса», «правды и кривды», «добра и зла»), представленных в известных литературных текстах.

Философское религиоведение о формировании различий религии и религиозности

Философское религиоведение, анализируя данные из истории социального феномена, который со времен Цицерона (Marcus Tullius Cicero, 106 – 43 гг. до н. э.) стал обозначаться словом «religio», дистанцируясь от «superstitio» («суеверие»), фиксирует тот факт, что, оформляясь в текстах культуры сообщества «Pax Romana», слово «religio» превратилось сегодня в обозначение универсального антропологического феномена, часто отделяясь, после издания Дж. Фрезером (Sir James George Frazer, 1854 – 1941) классической монографии «Золотая ветвь» (The Golden Bough: A Study in Magic and Religion, 1890) от «магии» и «науки». Позднее Б. Малиновский (Bronisław Kasper Malinowski, 1884 – 1942) описал сосуществование «магии – религии – науки» в бытии каждого человека и сообщества (Magic, science and religion, 1925). Сегодня значимость религии признается, согласно Википедии, 223 языковыми версиями этой кросс-культурной энциклопедии, где, для сравнения, слово «наука» (по данным на 01.06.2023) представлено 233 версиями, что превосходит употребление понятий «философия» (229), «Бог» (196) и значительно превышает употребление понятий «магия» (89) и «религиоведение».

ние» (52). В русский язык слово «религия» вошло только в начале XVIII века, а в китайский – еще через 200 лет, хотя сам феномен, как полагает современная антропология, присутствовал всегда, в связи с чем важно разделять феномен как таковой, т. е. определенную экстралингвистическую социальную действительность, и ряд его исторически сложившихся, используя термины семиотики, локальных символических презентаций, имеющих денотаты и коннотаты. Такое распространение требует детализировать научное понимание самих феноменов религии и религиозности, первый из которых в рамках предельно общего феноменологического подхода определяют как «отношение к сакральному» (Элиаде, Mircea Eliade, 1907 – 1986) или «надзирание за неизвестным» (Луман, Niklas Luhmann, 1927 – 1998). Соответственно, под феноменом религиозности нами будет пониматься особая антропологическая реальность, обозначаемаемая специальной знаковой символической формой (словом, лексемой), которая призвана отобразить «причастность» индивида и сообщества к таким практикам. Представляется эвристичным описать эту тематику в свете известных идей Яна Ассмана (Jan Assmann, *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*, 1992), различавшего культурную (институты, праздники/обряды и храмы/места официальной традиции) и коммуникативную память (различение нормы/девиации в одном поколении

непосредственных свидетелей) [3, с. 52 – 55]. При этом он особо отметил, что религия в господствующих в современной культуре авраамических традициях приобретает, особенно для элит, эмфатическое значение (коннотаты), когда ее (как «почитание божественного») начинают считать «независимой от остальной культуры», что позволяет ей «сохраниться сквозь все культурные изменения, чужеземные влияния и ассимиляции», становясь «основанием и средством сопротивления окружающей среде, культурным и политическим структурам которой она противостоит как автономная сфера смысла» [Там же, с. 213].

В таком контексте представляется возможным отметить сосуществование в современном российском массовом сознании семи исторически преемственных форм культурной памяти о религии, сформировавшихся в разные периоды, но сосуществующих и сегодня. Первыми сформировались магико-мифологические представления и практики, описываемые в терминах современной антропологии и феноменологии религии («отношение к сакральному», «надзирание за неизвестным» и т. п.). Сохранившись как «мифы» и «фольклор», они дополняются в городах культурой «грамотности», постепенно формирующей собственные средства коммуникации благодаря «особым языкам» как в формах письменных текстов, так и благодаря монументальным и вызывающим «трепет» архитектурным конструкциям дворцов и храмов, которые, как иногда

отмечают в блогах, «и сегодня поражают своим величием» [1]. Сам феномен храма, начиная, согласно современным данным, с Göbekli Tere (ок. 10 000 лет до н. э.), показывает формирование семантики и коннотаций для специальных («выделенных для божественного», так называемых сакральных) мест, где приносились жертвы, поскольку там непосредственно ощущалось присутствие того, что, согласно Р. Отто (Karl Lui Rudolf Otto, 1869 – 1937), является «божественным», или «нуминозным» (Numinous). Последнее не «рационально-теологично», но эмоционально-чувственно, поскольку способно вызывать спонтанное переживание «страха и трепета» в сочетании с «восхищением и восторгом», выступая как «таинственная и непостижимая сила/силы, правящая событиями». Тесная связь «сакрального» с локальными формами жертвенных практик в конкретном месте периодически сочеталась с «разочарованием» надежд на помощь от признанных локальных форм «сакрального» («нуминозного»), как, к примеру, это представлено в «Беседе разочарованного со своим духом» (ок. XXII – XXI вв. до н. э.), «Песне Арфиста» (ок. 2040 г. до н. э.), «Эпосе о Гильгамеше» (XVIII – XVII вв. до н. э.) и других произведениях так называемой «Литературы Мудрости» (Wisdom literature). Всем известные египетские пирамиды, согласно ряду предположений, могли стать проявлением стремления восстановить «маат» (равновесие, справедливость, порядок), когда практики земледель-

цев, сталкиваясь со сменой урожайных и засушливых периодов, дополнились архитектурным монументализмом, выступившим как построение грандиозных «лестниц в небо», представив наглядную попытку освоить таинственное, вернув дожди и благополучие [19, с. 15 – 16]. Здесь представления о «незримом» (мифы, легенды и т. п.) дополняются особым политическим (урбанистическим) содержанием, включая и известное определение Цицерона (служение и поклонение «высшему порядку природы»).

Затем в глобальную культуру проникает авраамическая и конфессиональная проблематика, которая может быть как предельно «строгой» и нетерпимой к «Другим» (почитание ветхозаветного «Бога Вышнего», поклонение догматической «Троице», конфессиональные «омологии» эпохи Реформации и т. п.), так и широкой, преодолевающей противопоставление «своего и другого» через почитание добродетелей «Веры, Надежды и Любви») всеми «людьми доброй воли» и создание текстов (Litterae, Λογοτεχνία, Literature и т. п.) как последовательно утверждаемых форм талантливых авторских художественных образов (искусства) и предельно «прозаичной» социальной коммуникации (академической науки). Все они в истории создали глобальное сообщество «Respublica literaria» (Francesco Barbaro, 1417), или «République des Lettres» (Pierre Bayle, 1684), постепенно формируя такие различия, как художественное/научное. Это своего рода интернациональное

«братство литераторов», объединенных в «невидимые колледжи» задачами поиска истины (научные братства, академии, университеты) или эстетического совершенства («изящества»). Они объединяли представителей аристократических кругов и «тонкого вкуса» в престижные салоны, постепенно дистанцируясь от противостояний многообразных конфессиональных «догм» и охранительных «омологий», формируя общеконфессиональное движение «collegia pietatis» (Pietismus, пиетизм, «школа благочестивых», 1689). В этот период начинается «вечный спор литературы и религии», когда, с одной стороны, проявляется «молитвенный пафос искусства и сила, преображающая тварное в нас», тогда как с другой – всегда есть опасность того, что «художнику усвоится роль теурга или мага», т. е. рождается своего рода «эстетический магизм», который «уравнивает две веры (в творчество и в Создателя)», формируя своего рода «двоеверие» [22, с. 232 – 233].

В XVIII веке Д. И. Фонвизин (1745 – 1792) публикует «басни» скандинавского писателя Л. Хольберга (Ludvig Holberg, 1684 – 1754), «отца датской литературы» и автора резонансной фантастики «Nicolai Klimii iter subterraneum» (1742), который в духе идей пиетизма стремился выйти за рамки строгости конфессиональных норм в более широкую онтологическую и этическую реальность философского понимания человеческого бытия эпохи Просвещения, отмечая, что «разум должен непременно усту-

пать в целях преестественных и отнюдь не опровергать непостижимого» [4, с. 125]. Про «преестественные» практики писал и П. А. Алексеев (1731 – 1801), разделяя «чудодействия» (оживление мертвых и т. п.) и «естественные» явления [2, с. 387]. В конце XVIII столетия И. Кант (Immanuel Kant, 1724 – 1804) переосмысливает религию не как собирательное наименование более или менее влиятельных в определенном государстве конфессий, но единое «этико-нравственное основание бытия личности» как таковой, отделяемое им от многообразия конфессиональных «вер» (Die Religion innerhalb der Grenzen der bloßen Vernunft, 1793). С этого же столетия в языке, согласно ресурсу «Национальный корпус русского языка» (далее – НКРЯ), «естественному» противопоставляется не только «преестественное», но и «сверхъестественное» (НКРЯ. Ф. А. Эмин. Путь ко спасению или разные набожные размышления, въ которыхъ заключается нужнѣйшія къ общему знанію часть Богословія. 1766). В XX веке, в советский период, последний термин приобретает негативные коннотации, начиная с первого издания Большой советской энциклопедии, где религия описывается как «вера в сверхъестественные силы... враг науки, тормоз познания, она не содержит ни грана истины...» [25, стлб. 567]. В постсоветский период получают распространение феноменологические и конфессиональные трактовки религии и религиозности.

Литературное творчество лежит в основе традиции так называемых во-

ображаемых сообществ (Imagined Communities), удачно описанной Б. Андерсоном (Benedict Richard O’Gorman Anderson, 1936 – 2015). В свете этой традиции можно отметить, что со времен Пифагора (Πυθαγόρας ὁ Σάμιος, Pythagoras, ок. 570 – 490 гг. до н. э.) человечество стремилось построить максимально точные модели происходящих явлений окружающего мира, всегда в той или иной степени таинственного и неизвестного, осваивая его и заменяя культовые практики рутинными действиями в так называемом расколдованном мире. Такие практики показывают, что явления (феномены) окружающей действительности отличаются типовой степенью сложности и предсказуемости, дифференцируясь между системами механически-детерминированного типа («рутинного», «освоенного»), с одной стороны, и феноменами спонтанно-аутопоэтического характера – с другой, при этом они включали не только социальные и личностные явления, но и так называемый клинамен (clinamen, Лукреций (Titus Lucretius Carus, ок. 99 – 55 до н. э.) как фундаментальное основание неустранимой «мятежности» не только социального, но и физического бытия как такового. Поэтические тексты формировались как особый опыт освоения так называемой сакральной реальности, выступая как образно-метафорическое описание непосредственно незримых, но представляющих правящими всем «зримым» оснований бытия мира, где механическое манипулирование последними, как и

их прямое принуждение, ясно осознавалось как «табу», т. е. нечто смертельно опасное, наказуемое и, соответственно, невозможное. Дистанцирование «поэтического» и «прагматического» («божественного»/«природного», «истины»/«заблуждения», «бываемого»/«небываемого», «баснословного»/«философского» и тому подобных важных для описания различий «естественных»/«преестественных»/«сверхъестественных» феноменов) прошло много этапов и приобрело множество частных форм, выступая как ключевые подходы к ожидаемому междисциплинарному (философия, религиоведение и литературоведение) синтезу. Термин «религиоведение» вошел в тексты только в начале XX века, став сегодня нормативным обозначением «науки о религии» в российских изданиях, хотя впервые его использовал всемирно известный писатель Л. Н. Толстой в 1908 году [12, с. 81]. Такое сочетание интуиции писателя и рациональности науки открывает новые перспективы понимания нами самих себя.

**Исторические подступы
к художественному
и мифопоэтическому мышлению
(на примере творчества А. П. Чехова)**

Приближение к всенародному искусству и мифопоэтическому принципу предполагает ряд преимуществ для художественной переработки писателем уже знакомого сюжета. Причем сопричастность древности оказывается возможной не просто тематическим заимствованием соответствующим

щего мотива, а теми структурными единицами, которые группируют эти мотивы. И потому писатель оперирует такими категориями, которые выступают пространственными организаторами древних сакральных текстов [16, с. 24]. А временное отличие соответствующих элементов компенсируется принадлежностью к единой системе мифопоэтических образов, которые живут в сознании читателя и спонтанно откликаются на малейший внешний отклик такого ожидания. И даже потребность в мистике может обратиться в ожидание возможного и желанного чуда как «места нахождения» отныне вне социально-исторической запрограммированности. «Жизнь страшна и чудесна, – пишет Чехов, – а потому какой страшный рассказ ни расскажи на Руси, как ни украшай его разбойничьими гнездами, длинными ножиками и чудесами, он всегда отзовется в душе слушателя былью, и разве только человек, сильно искусившийся на грамоте, недоверчиво покосится, да и то смолчит» [32, с. 72 – 73]. Переживая эти категории, читатель, как правило, не замечает их присутствия в художественном событии, ибо инвариантная образная система в результате применения обозначенных художественных принципов отражения может внешне полностью измениться [7, с. 34]. Причем это взаимоотношение должно быть обнаружено не в сюжете конкретного произведения и даже не в эстетической основе творчества, но в подсознательной глубине как «исходной» основе мифотворчества [18,

с. 17], которое может и не входить в прямые задачи писателя. Это и позволяет нам обнаружить «мифологический элемент» в художественном поведении героя, который всеми способами претендует на реалистичность.

1860 и 1904 – годы рождения и смерти А. П. Чехова – совпадают с периодом, когда Россия встала на порог своего «иног бытия», отмены крепостного права (1861) и революции (1905). Используя возможности маскировки и переодевания (увеличения, расширения, удвоения, а также искривления визуального и метафизического пространств) [23, с. 38 – 39, 80, 131, 234], Чехов построил предметно-зафиксированную последовательность и цикличность человеческого существования и его преобразования с переходом в новый исторический этап. Художественная задача чеховской маски ввиду принципа внешней двуликости определяется культурно-исторической позицией писателя. Реалистический характер рассказа «Маска» соизмерим с идеей мистического постижения неизвестного, волнующего «близостью» таинственного раскрытия. При устранении же скрывательства описываемое событие уже выходит за рамки сакрального и становится принадлежностью текущей действительности. Соответствуя моменту театрального переодевания, маскировка создается по «оксюморонному» принципу – соединением человеческих и фантастических форм, предполагая отныне желаемую свободную, неофициальную форму социального поведения [6, с. 94;

8, с. 113; 21, с. 347] с позиций изучаемой нами эпохи и ее социально-исторического опыта. Культура одновременно выработала такое свойство маски, которое относит ее к сфере онтологии в качестве культового охраняющего или идентифицирующего атрибута обитателей иного мира [10, с. 31; 24, с. 430 – 431], а также определенного знакового средства дифференциации представителей разных социальных групп [10, с. 30], позволяющего типологически соотнести чеховский мотив с маской античного театра и с его идеей перевоплощения.

Еще одной аналогией древнейшей обрядовой структуры является юмореска Чехова «Ряженые». Основное развитие такого музыкально-плясового обряда проходит через те же этапы настоящего и мнимого, раздвоения и разоблачения, что сюжетизировано писателем разыгрыванием близкой ему общественно-исторической основы. Двойная семантика традиции ряжения оживляется Чеховым в смешовой и «неформальной» обстановке, обозначая таким образом неофициальные границы (ввиду не признания никакой социальной иерархии) становящегося, «возрождающегося» мира, к которому все причастны. Причем чрезвычайно важно учесть, что в XIX веке одежда (с преобладанием национальных элементов) была одним из основных знаковых отличий крестьян от интеллигенции (подвергшейся западному влиянию) и помещиков [8, с. 322; 11, с. 73 – 77]. В силу обязательного акта переодевания, тем самым обновления

своего социального статуса, чеховское «ряжение» получило существенное развитие в отношении к исторической перемене, а также иерархического перемещения вверх-вниз и наоборот. Именно посредством такой структуры древнейший космогонический ритуал восстанавливается моментом исторической включенности. «"Я счастлива и богата". Но не верьте, читатель! "Я ряженая, – думает она. – Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это..."» [32, с. 7].

Тем не менее торжественное шествие людей воспринимается мифологическим сознанием не просто как театральное-драматическое зрелище, но и в качестве своеобразного магического способа воздействия на природу (осенние, зимние, весенние обряды). Ибо подобные церемонии в силу своей космической осмысленности указывали на оппозиционные соотношения старого и нового годов, зимы и лета, смерти и возрождения, исчезновения и появления солнца [6, с. 303 – 304]. Поэтому и в художественном тексте систематизированная область социально-исторических представлений предполагает необходимое дополнение со стороны образного восприятия: «Весна не чиновная особа и чествовать ее не за что, но древляне, кривичи, мерь и прочие наши прародители, не имея среди себя заслуженных статских советников и полицмейстеров, поневоле должны были чествовать не людей, а времена года и другие отвлеченности. Так как от невежества мы ушли, но к цивилизации, слава богу, еще не до-

шли, а обретаемся на золотой середине, то этот языческий праздник сохранился и до нашего времени во всей своей полноте» [30, с. 215].

Интерпретируя природу с точки зрения конкретных социальных условий, нетрудно в чеховском мотиве «хозяина и работника» или бывшего крепостного раскрыть сатурналистический элемент замены ролей царя и раба – переход из фазы смерти в жизнь. Не случайно в ряде чеховских рассказов лакей или бывший крепостной получает настолько доминирующую роль, что в позиции главного действующего лица имеет определяющее значение в фабульном действии произведения («Рассказ неизвестного человека», «Трифон», «Цветы запоздалые», «Торжество победителя», «Вишневы сад», «В родном углу», «Новая дача», «Безнадежный»). В роли носителя былого «узничества» и заслуженного аналога фольклорного слуги (или ловкого любовника-раба) чеховскому объездчику Трифону предстоит стать пародией своего господина (ср. сказочный мотив перехода от нищего, дурака, слуги к обладателю царства). Своеобразное «на равных условиях» действие, мотив содействия и схожести («Налим») приближается к обрядовому по своему происхождению ряду русских народных сказок о хозяине и работнике [33, с. 26]. Глубинная семантика такого взаимоотношения и равного соперничества (что на уровне социальном отнюдь не соответствует обывательской логике) послужит метафорой онтологических и пространственно-временных переходов.

Художественный способ ориентации в «большом времени» становится возможным в результате использования элементов античной традиции и одновременного отклонения от них. Эта событийная прерывность была охарактеризована М. М. Бахтиным пересекающей иррациональной категорией «вдруг» [5, с. 242], получившей у Чехова аналогичное значение: «В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!» [28, с. 164]. Прерывность времени обозначается там, где начинаются его случайность и содействующая герою инициатива «чудесной» неожиданности [5, с. 302; 16, с. 12 – 13]. Индивидуальная смерть отныне оценивается в меру воплощенности этим временем, подготавливая таким образом его «материальное», а далее и художественно-образное познание [6, с. 263]. Поэтому элемент смерти зачастую функционирует у Чехова на комическом уровне («Страшная ночь», «Смерть чиновника», «На кладбище», «Дипломат»), отвечая таким образом и карнавальным основам «микрокосма» [Там же, с. 399 – 400]. По определению Н. Г. Чернышевского, «комическое есть перевес образа над идеею» [28, с. 38]. Поэтому изображенные Чеховым явления ограниченной телесной, бытовой реальностей выступают в комической форме, а «космический страх» затмения сводится в «Злоумышленниках» к преодолению смехом, который в мифопоэтической традиции метафизируется рождением и сиянием солнца [27, с. 93; 20, с. 136]. А далее посредством ос-

нового исторического замысла происходит осмысление пока еще забавного (своей непознанностью) нового в сфере мировоззрения.

Вся образная система рассказа «В сарае» конструктивно располагает к семантике жизни и смерти. Сатурналистический момент смены ролей Чехов обеспечивает инсценировкой игры слуг в «королей», что становится семантической параллелью к смерти их господина в соседнем доме. Вобрав в себя все черты универсальной модели жизни и социальных отношений, эта игра, по сути, поддерживается конфликтным взаимоотношением, с одной стороны, культовым, с другой – общественно-бытовым. Культовая природа игры в карты семантизируется преисподней с мертвецами [26, с. 138]. В роли последних в чеховском рассказе выступают слуги, образуя таким образом двойную метафоризацию смерти. «Перевернутый» характер игры ставит чеховского дворника в игровую роль «короля», определяя тем самым и «сатурналистическую» смену его позиции. Отныне слуга принимает решения касательно жизни и смерти: «Теперь, кому хочу, тому голову срублю...» [31, с. 280]. В случае проигрыша он теряет власть и уже в пределах игрового пространства повторно попадает в рабство [28, с. 244, 283].

Посредством знаковой отмеченности карточных игр мы можем выйти за пределы мифопоэтики в сферу конкретных столкновений, которые имели место в российской социально-политической действительности рассматри-

ваемой эпохи. Достаточное количество игровой информации в случае владения соответствующими картами обусловливает разгадывание действий противника, тем самым и степень возможного выигрыша. Случайность и в какой-то мере скрытность раздаваемых карт моделируют такого рода конфликт, который сам по себе допускает вероятность любых интерпретаций социально-общественных отношений [15, с. 394 – 395].

В свете этого литературного канона удача или неудача русского чиновника, служащего в какой-либо сфере, а также периодическое чередование вышеуказанных социальных категорий определялись заимствованным механизмом неожиданности азартных игр. Рассказ «Упразднили», выстроенный на официальном военно-политическом событии страны (согласно распоряжению правительства в 1884 г. в России был упразднен офицерский чин майора) [30, с. 587], удачно демонстрирует конфликт личной воли и личного успеха с зависимостью от непредвиденных обстоятельств, определившихся не закономерным проявлением, а организованной стратегией той же карточной игры. Отныне неустойчивое положение в стране (в любое время богатый чиновник мог стать нищим, потеряв выгодное место в обществе) становится причиной той поляризации, которая была отмечена нами выше в имитационных условиях Сатурналии и ряжения.

Принимая во внимание такое функционирование случайностей или

вышеобозначенной категории «вдруг» в закономерном течении жизни, а также прогнозирующую и гадательную семантику карт («Гадальщики и гадальщицы»), обнаруживаем одну из причин, почему эта игра оказалась связанной с основополагающими онтологическими понятиями. С другой стороны, «борьба на равных» между игроками, вне зависимости от их внеигрового статуса, подразумевает наличие позиционно-иерархической перевернутости [15, с. 395] ввиду исторического контекста (отмена крепостного права). Разным образом в рассказе «Детвора» игра ведется по принципу «игрового равенства» между детьми баринов и слуг, и сын кухарки в конце оказывается в аналогичной с вышеупомянутым дворником позиции победителя.

Итак, имеется достаточно оснований предполагать, что художественные способы «переживания» Чеховым исторического времени и исторического сознания не могут ограничиваться пределами сообщаемых в произведениях сведений или намеренным заимствованием необходимого материала для дальнейшей художественной интерпретации. Скорее, история посредством художественной трансформации выполняет функцию объективации предлагаемых писателем сведений, которые выявляются только при учете внутреннего взаимодействия и взаимопредопределения с индивидуальным творческим целым.

Таким образом, произведения А. П. Чехова выступают настоящими историческими источниками не только по своему содержанию, но и по факту и принципу своего возникновения, историко-функциональному значению этого принципа. Именно потому, что историчность настолько органично слита с художественным миром Чехова, Д. С. Лихачев и вовсе не замечает заинтересованности писателя Историей [13, с. 218; 14, с. 262].

Тот же принцип «исторической объективности» создает условия для абсолютизации индивидуального творческого акта. А поскольку сам Чехов характеризовал собственную творческую деятельность сиюминутностью и временной ограниченностью («Знаете, сколько лет еще будут читать меня? Семь... Ну, семь с половиной») [9, с. 485 – 486], остается только предположить своеобразную боязнь писателя «не быть помянутым». Таким образом, известная организация творческого мышления должна была стать способом преодоления этой «сиюминутности» в пользу его абсолютного начала. Отныне индивидуальное творчество пронизано этим началом, которое в пределах «абсолютной независимости» допускает, с одной стороны, нарушение жанровых и этических канонов, с другой – неофициальную форму художественного поведения, переход в сферы эстетического преодоления всяких запретов – игровую, культовую.

Библиографические ссылки

1. 10 древнейших храмов мира, которые и сегодня поражают своим величием [Электронный ресурс]. URL: <https://novate.ru/blogs/021017/43192/> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Алексѣевъ П. А. Церковный словарь, или Истолкованіе реченій славенскихъ древнихъ, такожъ иноязычныхъ, безъ перевода положенныхъ въ Священномъ Писаніи и другихъ церковныхъ книгахъ. М. : Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1773. 396 с.
3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 368 с.
4. Баснь 116. Перемирие между суеверием и неверием // Басни нравоучительныя с изъяснениями господина барона Голберга, перевел Денис фон Визин. При Императорском Московском Университете, 1761. 190 с.
5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.
7. Блок В. Б. Сопереживание и сотворчество // Художественное творчество и психология : сборник. М. : Наука, 1991. С. 31 – 55.
8. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М. : Искусство, 1971. 544 с.
9. Бунин И. А. Чехов // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М. : Худож. лит., 1986. С. 482 – 498.
10. Иванов В. В. Маска как элемент культуры // Культура сквозь призму идентичности. М. : Индрик, 2006. С. 27 – 41.
11. Кирсанова Р. М. Костюм как средство самоидентификации // Культура сквозь призму идентичности. М. : Индрик, 2006. С. 72 – 82.
12. Костылев П. Н. Институализация религиоведения в Московском университете в первой половине XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1: Богословие. Философия. 2013. № 5. С. 79 – 95.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Худож. лит., 1979. 413 с.
14. Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. 438 с.
15. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. С. 389 – 415.
16. Лотман Ю. М. О семиосфере // Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 12 – 26.

17. Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Статьи по типологии культуры. Тарту : Тарт. ун-т, 1973. С. 9 – 41.
18. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. М. : РГГУ, 2001. 169 с.
19. Орехов Р. А. Мир строителей пирамид. Эпоха Древнего царства. СПб. : Контраст. Филологический факультет СПбГУ, 2014. 461 с.
20. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М. : Искусство, 1976. 282 с.
21. Софронова Л. А. Маска как прием затрудненной идентификации // Культура сквозь призму идентичности. М. : Индрик, 2006. С. 343 – 359.
22. Таянова Т. А. Литература и религия: к вопросу о «двоеверии» религиозного писателя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 3 (37). С. 232 – 240.
23. Топоров В. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Прогресс, 1995. 621 с.
24. Флоренский П. А. Иконостас // Сочинения. М. : Мысль, 1996. Т. 2. С. 419 – 526.
25. Францов Ю. П. Религия // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. энцикл., 1941. Т. 48. 880 стлб.
26. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Вост. лит. РАН, 1998. 798 с.
27. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М. : Лабиринт, 1997. 445 с.
28. Чернышевский Н. Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Собр. соч.: в 5 т. М. : Правда, 1974. Т. 4. С. 5 – 117.
29. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения в 18 т. М. : Наука, 1983. Т. 2. 576 с.
30. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения в 18 т. М. : Наука, 1983. Т. 3. 626 с.
31. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения в 18 т. М. : Наука, 1985. Т. 6. 738 с.
32. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения в 18 т. М. : Наука, 1985. Т. 7. 738 с.
33. Юдин Ю. И. Роль и место мифологических представлений в русских бытовых сказках о хозяине и работнике // Миф. Фольклор. Литература. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. С. 16 – 37.

E. I. Arinin, M. S. Liutaeva, N. M. Markova, V. S. Martirosian

RELIGION, LITERATURE AND RELIGIOUSITY OF THE AUTHOR

The article presents an attempt at a philosophical and religious approach to the phenomenon of “literature”, considering the latter in the context of the search for truth in the tension of confrontation between the universal historical and the unique authori-

al (A. P. Chekhov) aspects of the existence of a person in eternity. The first considers texts that have existed for tens of thousands of years as oral speech, turning into written documents in the first urban cultures about 10,000 years ago, allowing you to keep records of property, on the one hand, and, on the other, to fix local "sacred" legends (myths, epics, etc.). Religion is understood as a universal phenomenon of the practices of "surveillance of the unknown" (Luhmann), and religiosity, respectively, as historically specific forms of uniquely personal experience of such solidarity practices. Author's features of A. P. Chekhov act as a manifestation of a turning point in a particular individual of the general Russian religiosity of the late 19th and early 20th centuries, standing out with an intense search for harmony between the "eternal" and the "instantaneous".

Keywords: philosophy of religion, philosophical religious studies, literature, literary criticism, religion, religiosity, author.

УДК 172.3

В. А. Матвиенко

РЕТРОПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТОВ «РЕЛИГИЯ» И «ОБРАЗОВАНИЕ» В РАЗВИТИИ ЛОКАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В центре исследовательского внимания находятся отдельные аспекты развития локальной государственной идентичности в один из сложных периодов постсоветского транзита в созвучном нашему времени контексте. Рассмотрен сформировавшийся публичный научный дискурс решения конкретных практических задач на основании анализа отдельных подходов и направлений. Смысл основного содержания обозначенного взаимодействия заключается в том, что процесс строительства российского государства растянут во времени, специфичен, противоречив. В качестве вывода приводится мысль о том, что актуализация ретропотенциала концептов «религия» и «образование» всегда была и продолжает оставаться судьбоносной для развития каждого региона нашей страны.

Ключевые слова: концепт «религия», концепт «образование», локальная государственная идентичность, ретропотенциал, постсоветский транзит, Липецкая область, российское государство.

Начало XXI века было ознаменовано трансформацией сущностных основ российской государственности, пересмотром приоритетов в национальной политике, изменением подходов и методов решения актуальных проблем. Именно в первое десятилетие новой эпохи продолжается развитие заложенных ранее базовых основ государственного устройства, включающих

в том числе и попытки переоценки места и роли отдельных субъектов национально-государственной идентичности «нового» формата.

Именно во второе десятилетие осуществления постсоветского транзита в общественно-политическом и научном обороте произошло не только интеллектуальное обоснование концептов «религия» и «образование», но и их практическая апробация в процессе формирования общей стратегии развития новой государственной идентичности российских регионов.

К определению собственно научной составляющей обозначенных в рамках статьи концептов, доказательности и обоснованности их прикладной значимости в сфере государственного строительства были подключены не только историки, богословы и культурологи, но и экономисты, социологи и политологи, непосредственно вовлеченные в реальные социально-экономические и политические процессы того времени.

Анализ сущностных принципов, положенных в основу происходящих изменений в свете сложившегося взаимодействия концептов «религия» и «образование», особенно с возможностью пролонгации очерченного исследовательского поля во времени и пространстве, в конечном итоге и сконструировали требуемые методiku и методологию.

Так, одним из актуальных уровней анализа проблемы является соотнесение приведенных в работе концептов и рассмотрение их воздействия на

развитие российской государственно-сти. Не случайно в центре внимания одного из исследовательских направлений находится выявление взаимосвязи государственного строительства и целой совокупности сопряженных друг с другом субъективных факторов (мировоззренческая позиция правителя, связь законодательной основы веротерпимости с национальной политикой и т. п.) в исторической ретроспективе [5, с. 71; 6, с. 226].

В рамках названного подхода особого внимания заслуживают научные работы, посвященные анализу влияния религиозных организаций на становление гражданского общества в условиях социально-политических трансформаций (два десятилетия XXI в.) с акцентом на обеспечение безопасности и гармонизации общественной жизни [7, с. 12]. Одним из типичных и самых распространенных недочетов многочисленных публикаций по проблемам формирования государственной идентичности в ее взаимосвязи с религиозным фактором, прежде всего с концептами «религия» и «образование», является ограничение авторами своего анализа изучением преимущественно православной религиозности, при всей значимости ее тесной сопряженности с этнокультурой [4, с. 129]. В этом контексте представляется особенно важным дискутирование в отношении процесса становления российской национально-государственной и надэтнической идентичности с опорой на ценности и традиции всех традиционных для нашей страны религиозных конфессий.

В конкретной ситуации, затронутой обозначенной проблемностью, определение сущностного содержания концептов «религия» и «образование» очень часто зависит от установления степени их вовлеченности в социальную практику и апробацию новых институциональных форм. В некоторые моменты определение цивилизационной идентичности России в своих новых государственно-социальных ролях выходит за конституционные рамки [9, с. 300]. К тому же в ряде случаев, подчиняясь требованиям нового времени, и само взаимодействие религиозных организаций с государством в сфере образования должно претерпеть существенные изменения и в первую очередь быть направлено на «...ознакомление учащихся с основами религиозной морали и нравственности» [2, с. 158]. Приведенные интерпретации обозначенного в рамках статьи круга вопросов, в свою очередь, не противоречат утверждению, что в России к началу XXI века заметно обнаружил себя всеобъемлющий системный кризис идентичности [8, с. 16]. Таким образом, приоритетным в этой группе подходов становится, в частности, культивирование именно исторических оснований региональной государственной идентичности.

В этой ситуации неоднозначны определения содержательной составляющей исследуемых концептов (как отдельно друг от друга, так и в тесном взаимодействии) для современного контекста идентификации процесса

развития локальной государственной идентичности.

В условиях утраты существовавших ранее оснований национально-государственной идентичности и изменения прежних государственных границ возрастает необходимость поиска новой идеологемы, в том числе за счет привлечения практического опыта мультикультурности, полиэтничности и плюрализма отдельных российских территорий. В большинстве случаев употребляемые ключевые понятия находятся в тесной взаимосвязи с вычленяемыми ими маркерами традиционалистского сознания, особенно в контексте политизации конфессиональной этнической нормативности [3, с. 83].

Процесс развития государственной идентичности Липецкой области как одного из регионов России в обозначенный промежуток времени включает в себя как культурно-историческую, так и региональную специфику вовлечения концептов «религия» и «образование» в сферу формируемых интересов. Кроме того, часть из озвученных концептов имела и собственные, уникальные способы и приёмы практического осуществления.

Так, в первое десятилетие XXI века в регионе содержание влияния концепта «религия» на процессы государственного строительства определялось, прежде всего, в исследовании состояния религиозности населения по двум возможным направлениям: массового сознания и институционального.

Если первое направление предполагает изучение различных аспектов религиозности населения, то второе нацелено на развитие внутренней структуры религиозных организаций, представляющих все традиционные для Липецкой области религиозные конфессии. Кроме того, на эволюцию концепта «религия» в регионе в обозначенный период времени оказывала прямое или опосредованное влияние целая группа факторов:

- идеологические трудности (переход на совершенно иные мировоззренческие и методические позиции);
- организационные трудности (отсутствие полноценной источниковедческой базы, необходимой для проведения социологических исследований);
- коммуникационные трудности (сложности в налаживании контактов с религиозными лидерами с целью их опроса или интервьюирования) и многие другие.

Стоит отметить, что в Липецкой области, как и во всей стране, на процессы развития национально-государственной идентичности в разной степени влияли: отсутствие уверенности в будущем, недостижимость социальных ожиданий, тревожность, дефицит справедливости и добра и т. п. Все вместе эти факторы заставляли людей обращать внимание на религиозную веру, подталкивали их к той или иной религиозной общине, тем самым представляя им альтернативный путь обретения личностной устойчивости, акту-

ализируя для общества смысл концепта «религия».

Концепт «религия» воплощался в религиозных традициях и обычаях, церковном праве и религиозных уставах, конституциях и апостольских правилах и т. п. В большинстве случаев религия выступала действенным средством объединения людей, дополняя более влиятельные светские ресурсы – культурные, воспитательные, образовательные, средства массовой информации и т. п. Но больше всего религия объединяла людей в рамках своей организации посредством общих символов, святынь, богослужений, обрядов, «священных книг», верований.

По отношению к процессу развития региональной локальной идентичности концепт «религия» представлял как целостная идеологическая подсистема. В обозначенный в рамках данной работы период времени место и роль религии в общественных отношениях многократно изменялись, пересматривались выполняемые ею функции. В постсоветский период в Липецкой области формировалась собственная специфическая религиозная среда, имеющая как общероссийские, так и отличительные характеристики, включающие в себя конфессиональную структуру населения; межконфессиональные отношения на институциональном уровне массового сознания; место традиционных конфессий в региональном пространстве; уровень правового обеспечения законных прав

и свобод верующих граждан и религиозных организаций различной конфессиональной направленности и т. д.

Наряду с приведенными ранее, на концепт «религия» в динамике его воздействия на формирование государственной идентичности Липецкой области оказывали разноплановое влияние сферы политики, экономики, культуры, СМИ, общественное мнение. Так, к началу XXI века в регионе появилось и начало активно действовать множество (как светских, так и религиозных) газет и журналов, распространяющих среди населения региона информацию о религиозной жизни. К числу таких изданий можно отнести газеты «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Русь Святая», «Металлург», еженедельник «Добрый вечер». Отдельные моменты религиозной жизни, направления для сотрудничества религиозных организаций с органами власти региона, позиции людей с различными конфессиональными взглядами и убеждениями нашли свое отражение на страницах районных газет «Задонские новости» (г. Задонск), «Елецкая газета» (г. Елец), «Сельские зори» (Долгоруковский район), «Раненбургский вестник» (Чаплыгинский район), «Народное слово» (Лев-Толстовский район), «Лебедянские вести» (Лебедянский район) и др.

Наряду с печатными СМИ выросло количество программ местных теле- и радиокompаний, предлагающих населению сюжеты, посвященные раз-

личным аспектам религиозной жизни на территории Липецкой области.

Определенный научный интерес вызывает (сходная с общероссийской) тенденция по увеличению конфессионального многообразия в регионе, и – как следствие этого – активизация религиозной среды и повышение роли религии в жизни социума. Наивысший уровень религиозности в первое десятилетие XXI века был отмечен в Ельце и Задонске, где исторически сосредоточено большое количество храмов и монастырей (в г. Ельце – 6 действующих храмов и 1 монастырь; в г. Задонске – 1 действующий храм и 3 монастыря). В дальнейшем с активизацией религиозной жизни количество работающих храмов и монастырей (не только православных) постоянно возрастало. Этот факт вполне закономерен. К примеру, город Елец с глубокой древности известен большим количеством храмов. Так, в церковных книгах за 1646 год речь идет о 10 церквях, а за 1787 год – уже о 14 храмах. В 1827 году упоминаются 15 церквей. В переписи 1896 года в городе Ельце были отмечены 21 церковь и 2 монастыря с 4 церквями и 15 часовнями. Необходимо добавить, что в дореволюционном городе также были немецкая кирха, римско-католический костел и еврейская синагога.

Официально на территории Липецкой области в начале XXI века было зарегистрировано 205 религиозных организаций различной конфессиональной направленности (см. таблицу).

Динамика роста численности религиозных организаций
в Липецкой области с 1999 по 2002 г.

Религиозная организация	Год			
	1999	2000	2001	2002
РПЦ	103	133	145	167
Евангельские христиане-баптисты	6	11	12	13
Евангельские христиане-пятидесятники	3	6	7	7
Адвентисты Седьмого дня	1	10	11	11
Методистская церковь	–	–	–	1
Мормоны	–	–	–	1
Иудейское исповедание	–	1	3	3
Сознание Кришны	1	1	1	1
<i>Всего</i>	114	162	179	204

Кроме приведенных в таблице, в регионе в статусе религиозной организации без регистрации в указанный период времени действовали: Звенящие кедры России, сайентологи, Новоапостольская Церковь, Церковь объединения (Ассоциация Святого Духа за объединение мирового христианства), «Богородичный центр» (Церковь Пресвятой Богородицы Преображающейся), молокане (Союз общин Духовных христиан), Восточная апокалиптическая Церковь. Анализ религиозной ситуации в Липецкой области в начале нового тысячелетия позволяет констатировать идентичную с общероссийской тенденцию «религиозного возрождения».

Говоря о роли концепта «образование» в его соотношении с концептом «религия», следует обратить внимание на обратную зависимость религиозности от уровня образования и профессиональной подготовки населения. Важным аспектом привлечения ретропотенциала концепта «образова-

ние» к развитию локальной национально-государственной идентичности в постсоветский период в Липецком регионе стало возрождение духовных приоритетов личности. Религия, в особенности православное христианство, выступила в качестве своеобразного кодификатора по отношению к морали. Религиозная мораль во все исторические эпохи обладала единством своих норм для детей и взрослых, молодых и старых, богатых и бедных.

На практике взаимодействие рассматриваемых концептов осуществлялось по нескольким направлениям.

Первое нацелено на сотрудничество религиозных организаций различной конфессиональной принадлежности с высшими учебными заведениями Липецкого региона. Так, в начале 2000-х годов было налажено достаточно тесное взаимодействие Липецко-Елецкой епархии с Елецким государственным университетом им. И. А. Бунина, которое продолжается до насто-

ящего времени. Этот университет уже в то время заявил о себе как о «...культурно-образовательном феномене провинциального региона, обобщив его опыт в деле сохранения историко-культурного наследия данного локуса» [1, с. 111]. В стенах вуза с 1996 года совместными усилиями тогда еще с Воронежско-Липецкой епархией стали проводиться «Рождественские чтения», участники которых ежегодно обсуждают самые актуальные вопросы религиозной и общественной жизни Липецкой области. В 2001 году в ЕГУ им. И. А. Бунина открылось религиоведческое отделение исторического факультета, а 23 августа 2003 года в структуре вуза появилась кафедра религиоведения. С этого времени студенты, аспиранты и учителя средних учебных заведений региона получили возможность прослушивать разработанные преподавателями кафедры спецкурсы, посвященные различным аспектам духовной и религиозной жизни общества, которая находилась в тесной взаимосвязи с процессами развития локальной государственной идентичности. В мае 2005 года в стенах университета прошла международная конференция «Торжество православия», посвященная празднованию 110-летия со дня рождения архимандрита Исаакия (И. В. Виноградова).

Второе направление – взаимодействие традиционных религиозных организаций Липецкой области со школами и средними специальными учебными заведениями. Реализация этого направления в регионе преду-

сматривала обеспечение проведения религиоведческих курсов для учителей общеобразовательных учебных заведений и собственно конфессиональных образовательных учреждений, осуществляющих свою деятельность в рамках оформившегося на тот момент общенационального законодательства. Так, например, в 2000 году было заключено соглашение о сотрудничестве между кафедрой педагогики и психологии Липецкого областного института усовершенствования учителей с Воронежско-Липецкой епархией, в рамках которого создавались курсы профессиональной подготовки для учителей по разделам «Факультативное преподавание "Основ православной культуры"», «Основы истории православия» и др. Помимо этого, беря во внимание тот факт, что каждый гражданин имеет право на получение религиозного образования по своему выбору индивидуально или совместно с другими, многие традиционные для области религиозные организации в соответствии со своими уставами и российским законодательством стали создавать образовательные конфессиональные учреждения. В начале 2000-х годов подобные общеобразовательные учреждения возникли при 40 действующих на территории православных храмах. Определенные сложности для подсчета численности как собственно православных, так и иных конфессиональных образовательных учреждений, создает то обстоятельство, что большинство религиозных организаций, как правило, не разглашают подобные све-

дения. Тем не менее к организациям подобного типа относились: Православная гимназия имени Св. Тихона Задонского в г. Ельце (1996), Евдокиевская Воскресная школа в г. Липецке (2000), Православная гимназия имени преподобного Амвросия Оптинского в г. Липецке (2004), Воскресная школа «Лествица» прихода храма Всех Святых в г. Липецке (2012) и др. Помимо этого, в январе 2002 года в городе Липецке при Христо-Рождественском соборе был создан Епархиальный Православный Духовный Центр «Возрождение» (ЕПДЦ), взявший на себя функции промежуточного пункта для человека невоцерковленного, но тем не менее желающего жить в лоне Православной Церкви. Центр стал местом, в котором сосредоточили свою работу православная библиотека, православный лекторий, семейные и дискуссионные клубы. Усилия практически всех обозначенных организаций были направлены прежде всего на духовно-

нравственное воспитание подрастающего поколения, преодоление целого комплекса морально-нравственных проблем.

Итак, исследование основных аспектов взаимодействия концептов «религия» и «образование» в процессе развития локальной государственной идентичности в период постсоветского транзита подразумевает преимущественно историко-культурный контекст осмысления. Этот достаточно простой алгоритм позволяет высказать предположение прогнозного характера: и в прошлом, и в настоящем процесс изменения государственной идентичности определяется преимущественно мультипарадигмальностью, а не региональностью. Дальнейшая актуализация ретропотенциала концептов «религия» и «образование» в сложные для государственного строительства нашей страны периоды времени всегда была и продолжает оставаться судьбоносной в развитии каждого её региона.

Библиографические ссылки

1. Атаманова Е. Т. «Всё лучшее зарождается в провинции...»: вуз как культурно-образовательный феномен в провинциальном регионе // *Культура и образование*. 2021. № 1(40). С. 109 – 121.
2. Борецкая В. К. Взаимодействие церкви и государства в сфере образования в контексте современных социальных учений РПЦ и РКЦ // *Религия и общество-6* : сб. науч. ст., Могилев, 13 мая 2011 г. Могилев : Могилев. гос. ун-т им. А. А. Кулешова, 2011. С. 156 – 159.
3. Журавлев Д. В. Православная идентичность как традиционализм: конструирование политических смыслов в актуальном публичном дискурсе РПЦ // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз* (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 4(87). С. 82 – 100.

4. Казьмина О. Е. Православная религиозность в современной России: историческая проблема соотношения религиозной идентичности и религиозной практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2007. № 1. С. 129 – 135.

5. Ливцов В. А., Исаев А. В. Веротерпимость в вероисповедной политике России: историко-правовой аспект // Вестник государственного и муниципального управления. 2019. Т. 8, № 2. С. 71 – 79.

6. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Аронов Д. В. Теория патриотизма в до-революционной России – от первых шагов к практике реализации // Былые годы. 2020. № 55(1). С. 226 – 241.

7. Сенин И. Н., Филина Н. В. Государство, право и религия: соотношение и взаимодействие. М. : Директ-Медиа, 2023. 348 с.

8. Чекменева Т. Г., Прибытков А. А. Повседневность в контексте конструирования социальной идентичности // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 15 – 17 марта 2018 г. : в 2 т. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 16 – 21.

9. Янакова Е. В. Социокультурный контекст функционирования РПЦ в современной России: феномен религиозного возрождения // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 299 – 304.

V. A. Matvienko

**THE RETROPOTENTIAL OF THE CONCEPTS OF «RELIGION»
AND «EDUCATION» IN THE DEVELOPMENT OF LOCAL STATE
IDENTITY**

The research focuses on certain aspects of the development of local state identity in one of the difficult periods of post-Soviet transit in a context consonant with our time. The formed public scientific discourse of solving specific practical problems based on the analysis of individual approaches and directions is considered. The meaning of the main content of the designated interaction is that the process of building the Russian state is stretched over time, specific, contradictory. As a conclusion, the idea that the actualization of the retropotential of the concepts of "religion" and "education" has always been and continues to be crucial for the development of each region of our country is represented.

Keywords: concept of «religion», concept of «education», local state identity, retropotential, post-Soviet transit, Lipetsk region, Russian state.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ КАК ПРОТОПРАВО

В статье проанализирована доктрина дхармы как конвенциональная система требований, нравственных ценностей профессионально-родовых групп, составляющих сумму некоего идеального ведического общества. Забота о дхарме, карме и мокше образует идеационный потенциал умозрительного ария. Древняя Индия является пример ценностно-смыслового общества, где история – это мифология пуран, социология – кастовые практики, а протоправо – метафизика дхармы. В качестве метода используется холистический герменевтический метод, познание динамического целого во взаимосвязи его частей и процессов. При игнорировании идеационного холизма социальной структуры Древней Индии мы получаем разрозненный набор регулятивов, каждый из которых предстаёт бессмысленным конструктом. Подобная мозаичность свидетельствует о недостатке сугубо аналитического подхода, необходимости формирования комплексного понимания протоправа традиционного общества.

Ключевые слова: дхарма, самсара, карма, индуское протоправо, ведийская концептосфера, индийское мышление, ведическая эйдетика, ведическая идеация, правовая идеология.

В статье рассматривается идеологический уровень функционирования социальных регулятивов древнеиндийского общества. Термин «идеология» часто несет военно-политическую смысловую нагрузку, подразумевающая некий набор догм, служащих интересам политической элиты. В нейтральном значении он понимается как совокупность идей, принципов, подходов, ценностей, обеспечивающих устойчивость социального контура. Ранее особенности социально-правовой концептуализации были освещены в ряде статей автора [14 – 16]. Значительную работу по изучению правовой

идеологии Древней Индии провел исследователь Н. В. Маринчев [6 – 10].

Система варнашрама-дхармы – это умозрительная идеационно-идеологическая модель социального деления Древней Индии, которая коррелирует с реальным кастовым обществом примерно так же, как писаное право соответствует реальному действующему праву со своими сложившимися практиками и обычаями. Термин «идеация» используется в феноменологическом смысле эйдетики, созерцания сущности процессов.

Если варн выделяется четыре, то каст (джати) существует несколько ты-

сяч. Термин «варна» означает «цвет» и, скорее всего, относится к формальному внешнему различению сословий. Согласно одной из гипотез, индоарии, светлые номады-скотоводы, технологизировали символы могущества – колесницу и железо и, по-видимому, покорили автохтонные тёмные народы, закрепив это затем в протоправе и социальной иерархии.

Плотность населения Древней Индии, его высокая концентрация и дифференциация привели к ранней концептуализации социальной дискриминации, её апологетике и рационализации. Социальные императивы, перенесённые брахманами в религиозную концептосферу и сформировали протоправо Древней Индии. Варнашрама, описанная в «Бхагавад-гите», «Бхагавата-пуране», «Вишну-пуране» и «Махабхарате», подразумевает постепенное возвышение сознания индивида через выполнение долга, связанного с материальными качествами, в служении вышестоящим стратам и Всевышнему. Деление на варны (одно из значений – «оболочка, покрытие») связано с материальными качествами человека, приобретенными в соприкосновении с материальной природой. Непосредственно индивидуальные личности (атмы) рассматриваются как частицы духовной энергии, между которыми в чистом состоянии не существует качественных различий, они равны [11]. Поэтому, как утверждает «Бхагавад-гита» (5.18), истинный мудрец одинаково видит благовоспитанного брахмана, собаку, неприкасаемо-

го, слона, осознавая их внутреннее духовное тождество. Это представление существенно для оценки системы варнашрамы, без понимания вышеописанного философского принципа возникает представление, высказанное Р. Давидом: «Для мусульман и евреев основным является принцип Священного, согласно которому все люди равны перед богом, по образу и подобию которого они созданы. Индуизм не знает этой фундаментальной западной концепции. Для него «человек» – простая абстракция; имеются лишь «люди», разделенные с момента рождения на социальные иерархические категории, каждая из которых имеет свою систему прав и обязанностей и даже мораль» [4, с. 331].

На основе вышеописанного принципа существует следующая градация дхарм: упа-дхарма – внешние обязанности, связанные с материальной обусловленностью живого существа, т. е. с уровнем развития сознания, интеллекта, с физическими способностями; санатана-дхарма – высший долг в отношениях с Всевышним, вечная религия души [26, с. 5]. «Бхагавата-пурана» характеризует санатана-дхарму как деятельность, непосредственно приближающую человека к духовному самосознанию, приводящую «к любовному взаимобмену с трансцендентным Господом» (БП, 1.2.6). Подразумевается, что, достигая этого уровня, человек естественным образом следует всем нижестоящим дхармам, т. е. в совершенстве следует как предписаниям закона, так и нор-

мам морали и нравственности. Таким образом, следование упадхарме благоприятно, поскольку приводит к постепенному развитию духовного сознания через косвенные, осуществляемые через социальное служение взаимоотношения со Всевышним. Упадхарма необходима для поддержания порядка в обществе и государстве. На этом уровне находятся нормы права, морали и религии, конструирование которых и рассматривается в данной статье. В то же время санатана-дхарма подразумевает прямое обращение в сакральные сферы, непосредственный контакт атмы (души) с параматмой (сверхдушой). В этом процессе индивид получает непосредственный опыт духовных переживаний, обретает свое тождество в сакральной сфере. Для достижения данной цели недостаточно механического выполнения ритуала и знания жертвенных формул, необходимо внутреннее состояние бхакти – чувство преданности Божеству [1, с. 153]. Преимущество санатана-дхармы заключается в её универсальности, она «подходит для всех, включая слабых, неразумных и социально отверженных» [Там же, с. 145]. В связи с этим «Бхагавад-гита» свидетельствует, что даже люди низкого происхождения, женщины, вайшьи и шудры могут достичь высшего духовного статуса (БГ, 9.32). Пураны приводят иллюстрации следованию санатана-дхарме. Так, старуха Шабари, принадлежавшая к очень низкому племени шабаров, получила благосклонность бога Рамы и благодаря это-

му достигла духовной обители (Рамаяна III, 74. 6–10). «Бхагавата-пурана» описывает, как маленький сын служанки-шудрани обрел духовное совершенство и стал великим мудрецом и святым Нарадой благодаря общению с возвышенными брахманами (БП, 1.5.23 – 25).

Неразрывная связь дхармы и мокши – центральный постулат, являющийся сутью всей концепции социального регулирования древнеиндийского общества, однако на деле связующими скрепами выступали служение (сева) и консенсусное примирение (рита) общества, природы, космоса. Регулятор первого порядка – концептуально-теоретический – всегда уступает операторам смысла, воспроизводящим себя в повседневных социальных интеракциях. Смыслообразующий уровень функционирования социальных регулятивов древнеиндийского общества последовательно конкретизируется на уровне моральных поучений и пуранических нарративов.

Люди живут на индийском субконтиненте более 250 000 лет. Индия и Китай имели возможность вложить много человеко-часов в развитие социальной системы, права, науки и технологии, литературы и мифологии. У Индии особенно богатая нарративная история, полная фантастических повествований о битвах суров и асуров, аватарах и боговоплощениях, богах и богинях. Древние индийцы изобрели систему письма и измерения, концепцию нуля, практику йоги, культивировали хлопок и организовали первое городское коммунальное хозяйство.

Индийское мировоззрение выработало также жесткую социальную иерархию, называемую кастовой системой, и соответствующее ей идеологическое обоснование. Веды описывают четыре основных социальных класса: брахманы (священники или религиозные ученые), кшатрии (правители или воины), вайшьи (землевладельцы, торговцы), шудры (слуги). Помимо них ещё существовали внекастовые далиты (ранее известные как «парии», неприкасаемые), которые занимались самыми грязными работами, такими как очистка дорог и помещений. С далитами плохо обращались и с ними практически не считались из-за их социального положения. Кастовая система влияла на каждую сферу жизни человека, поскольку касту нельзя было изменить или выйти из неё.

Кастовая система – это комплексный многовековой продукт древнеиндийского общества, образованный в результате усложнения демографически профицитного социума, в котором люди вынуждены были выживать вместе. Возможность значительного класса брахманов заниматься неутилитарной деятельностью по созданию духовного знания, а также относительная внешняя защищённость со стороны Гималаев способствовали тому, что Индия стала колыбелью идеационного проектирования и богатого религиозного воображения. Так, второй регион, обильный на религиозное творчество, – Ближний Восток – находился на перекрёстке великих переселений и являлся ареной постоянной

вражды. Не случайно авраамические религии – это религии страдания, эмпатии и избавления от мучений. Тот же буддизм, который начинается с идеи страданий, относится к ним вполне инструментально и прагматично: страдания имеют причину и могут быть остановлены самим человеком усилием сознания. Авраамические же религии, в особенности христианство, строят свою керигму на мистическом грехопадении и последующем иррациональном страдании человека, где теодицея – это лишь хлипкая конструкция.

Индийское мышление создало специфические установки для формирования протоправа, которые заключаются в концептах рита, дхарма, карма, самсара, гуру, садхана, ягья, ахимса. Эти и другие категории выступали безусловными ценностными регуляторами индусского протоправа.

Классический формационный подход, основанный на категориях «наёмный труд», «базис и надстройка», «производственные отношения», неприменим к индийской кастовой системе, что вынужден был признать К. Маркс, выделив «азиатский способ производства» [21]. Особенности неевропейской организации труда выступают высокая монополизация и централизация со стороны надстройки отдельных отраслей, общинная собственность, смешение рабовладения, феодализма и иных специфических форм производства, феномен «поголовного рабства» (дасью), религиозно-ритуальная смыслогенерация труда

(джаджамани), синкретизм труда, мифа и религии, слияние государственного и храмового [12].

Марксизм в своей оценке азиатской общины исходил из неизменного европоцентризма, чьи догмы не выдерживают испытания временем, демонстрируя недостатки таких утопических акцентуаций, как историцизм и логицизм. Недостатки европоцентризма в оценке индийской общины заключаются в следующем:

– игнорирование множественности, переплетённости, запутанности, многовариантности индийского протоправа (дхармы);

– недооценка духовных факторов в формировании индийской цивилизации и Востока в целом;

– предвзятость в оценке природы того или иного государства, когда заведомо проходит разделение на свободный западный мир и примитивные, отсталые формы культуры.

Концептуально любое государство имеет социальную направленность и должно представлять интересы всех социальных групп и легитимировать только ценности, служащие интересам всего общества. Зачастую в силу несовершенства идеологии или определенного уровня развития общественного сознания происходит разрыв между декларируемыми ценностями и реальными интересами общества. Можно перечислить несколько функций государственной идеологии: регулятивная, социализаторская, коммуникативная, консолидирующая и др. Главной из них является функция

консолидации общества в некую общность, объединенную одинаковыми ценностями. В прошлом в качестве такого интегративного фактора выступала религиозная или этническая общность, которая создавала единство взглядов и ценностей различных слоев общества. Государство сознательно внедряет ценности, адекватно отвечающие интересам всего общества, и вырабатывает, интегрирует идеологическую систему. Это не означает, что государство покушается на индивидуальность мировоззрения различных общественных групп, но, скорее, стремится предложить концепцию, являющуюся общим знаменателем для существующих ценностей и взглядов. Данная концепция должна обеспечивать стабильность общества, объединять всех его членов вне зависимости от социальных, профессиональных, этических, статусных и иных различий. Роль государства – поиск тех аксиологических основ, которые уже присутствуют в общественном организме, но еще не стали доминирующими [20].

Прежде чем анализировать идеологические регулятивы древнеиндийского общества, рассмотрим систему ценностей, лежащую в его основе. Следует отметить, что «...положение о мире и гармонии древних обществ, жизнь которых была подчинена определенным системам ценностей, являющихся нормативными регуляторами и воплощенных в разнообразных формах культуры, в соответствии с которой люди выстраивали свою линию поведения» [3, с. 31]. Ценности представляют со-

бой убеждения и предпочтения, не имеющие под собой эмпирической основы. Они являются неразложимыми, изначально интеллектуально и эмоционально воспринимаемыми данностями и в свою очередь дают импульс субъекту к обладанию ими, сохранению и деятельности на их основе, так как воспринимаются как блага. Фундаментальное понимание ценностей, разработанное М. Шелером, Н. Гартманом, заключается в том, что ценности – это независимые сущности, имеющие место в автономной идеальной сфере. Они транслируются в сознание человека через акт эмоциональной интуиции и имеют строго иерархический порядок. Подобные идеи в области философии права разрабатывали Г. Коинг (Helmut Coing) и Г. Хубман (Heinrich Hubmann). При этом способы обоснования данной изначально аксиологической доминанты определяются уровнем сознания и мировоззренческой моделью человека. «Таким образом, ценность не есть сам предмет (материальный или духовный, природный или общественный), а предмет в его связи с человеком с точки зрения его значимости для человека» [13, с. 132]. Поэтому ценности производны от понятия личности. Вышеописанное представление полностью соотносится с аксиологией Вед, указывающей, что для любой атмы первозданной ценностью считается достижение идеальной сакральной сферы – мокши, в которой реализуется ее изначальная природа – сат-чит-ананда (вечность – знание – блаженство). Веды определяют основ-

ные мировоззренческие позиции, с которых рассматриваются ценности, и образуют четвертичную систему ценностей. В соответствии с системой Вед к исходной, чистой форме ценности (мокша) стремятся брахманы. Личность, находящаяся на данном уровне сознания, утвердилась в следовании дхарме, поэтому может транслировать данную ценность для следующей страты – кшатриев.

Те, в свою очередь, стремятся к дхарме и транслируют ценность более низкого порядка (артха) для следующей страты – вайшьев. Вайшьи в соответствии с уровнем своего сознания стремятся к экономическому развитию, но поднялись над уровнем наслаждений чувствами. Поэтому они транслируют данную ценность для шудр. Шудры достигают исполнения своих желаний благодаря служению (сева).

Можно проследить эволюцию ценностей в связи с уровнями сознания:

Шудры → аннамайя (отождествление с телом) → кама (ценность чувственных наслаждений).

Вайшьи → пранамайя (отождествление с умом) → артха (ценность экономического процветания).

Кшатрии → гьянамайя (отождествление с разумом) → дхарма (ценность следования священному долгу, закону).

Брахманы → вигьянамайя (отождествление) → анандамайя (самосознание) → мокша (изначальная ценность – сат-чит-ананда – вечность – знание – блаженство).

Идеология протоправа традиционной Индии транслируется с целью создания образа единства и сотрудничества различных социальных, этнических групп, рас и религиозных направлений. Идеационное протоправо концептуализировало социальное устройство в течение длительного времени, пока Индия не модернизировалась через институты буддизма, ислама и христианства. Для индуистов система варнашрамы кажется совершенной, однако с точки зрения социальной науки она представляет лишь идеальную модель, зачастую далёкую от реальной практики социальной сегрегации [25, с. 16].

Символично звуковое подобие слов «арья» и «рита». Рита – это вселенский порядок, установленный Абсолютом. Арья – это тот, кто следует рите, т. е. живет в одном ритме (существует этимологическая связь этого слова со словом «рита») со всеобщими законами Вселенной. «Понятие риты, непреложности космического процесса, возможно, предвосхищает позднейшую концепцию дхармы» [2, с. 122]. Подобное равновесие достигается посредством ритуала, т. е. сакрального акта, который предписывался для каждого ашрама и варны в качестве дхармы (долга) и приводил в гармонию индивидуальное сознание с вселенским. Таким образом, дхарма – это правильное поведение на индивидуальном уровне, гармоничное рите (законам мегамира), когда происходит синхро-

низация микрокосмоса и макрокосмоса, атмы (индивидуального сознания) и параматмы (сверхсознания).

Образ Творца (пуруши), Верховного повелителя всех живых существ (праджа-патих) – консолидирующая концепция для всей идеационной модели индусского протоправа. Он является авторитетом, устанавливающим через Веды принципы достижения мокши, в соответствии с которыми предписывается выполнение своей дхармы (обязанностей) в умонастройке жертвенности деятельности (ягья-артхат). «По-своему в индуизме признается и равенство людей, которые имеют равные возможности в достижении «мокши» – высшего блаженства, зависящего только от их добрых дел» [5, с. 16]. К мнению ориенталиста А. Бэшема следует добавить, что это равенство концептуальное, а на практике оно достигалось активностью неортодоксальных сект (адживики, джайны, буддисты), вовлекавших неприкасаемые массы в духовные практики.

Вернёмся к дифференциации варнашрамы и кастовой системы. Португальское «casto» (чистый) на санскрите имеет другой эквивалент – «джати», что указывает на рождение. Джати – конкретно социальный вид обусловленности, связанный с деятельностью и социальной памятью общины. Джати человек обретает одновременно со своим рождением, тогда как варна – это идеационная модель, которая определяется склонно-

стями человека к определенному виду деятельности и образу жизни. Джати реально детерминирует статус человека, а варна – это красивая модель, предмет дискуссий и лекториев брахманов. Индуисты верят в золотой век, что когда-то, во времена Рамы и Кришны, существовали чистые варны, что кастовая система индийского общества, описанная португальскими и британскими колонизаторами, является следствием разложения аксиологической основы в изначальной системе варнашрамы, в результате чего структура стала косной, потеряла социальную мобильность. Процессы разложения варнашрамы связываются с процессами деградации высшего брахманического сословия, что привело к девальвации традиционной правовой системы. Священнослужители использовали свой авторитет и привилегии для закрепления положения в высшей касте своих потомков и для изоляции своей страны от представителей других варн, а кастовая система стала жесткой сегрегацией, лишаящей социальной мобильности [17, с. 57, 192].

«Бхагавад-гита» и «Бхагаватапурана» говорят о том, что принадлежность к определенной варне определяется качествами, именно по этому признаку можно узнать брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр (БГ, 18.41 – 45; БП, 7.11.35). Ту же мысль, но от противоположного утверждает «Манусамхита»: «Человека, лишённого варны, неизвестного [или] нечистого происхождения, неария, [хотя] по внеш-

нему виду подобного арию, можно узнать по его делам» (МС, 10.57). Таким образом, в ведийской концептосфере можно найти попытки пресечь социальный детерминизм, установки, что социальная роль должна сопровождаться соответствующими качествами [18, с. 192]. Ведические описания содержат свидетельства того, что «главным являлось не рождение в определенном статусе, не изначальная принадлежность к нему, а поведение согласно законам определенного статуса, сектора и уровня общественной жизни» [19, с. 13].

Литературные свидетельства дают нам основание считать, что брахманы на уровне идей поддерживали положение, что статус в системе варн не был наследственным, что даже представитель низшего сословия мог возвыситься до высшей варны в силу своих качеств и знаний. Уровень же реальной социологии социальной мобильности был такой же, как и сейчас, – отдельные успешные далиты не могут изменить общего правила дискриминации миллионов неприкасаемых.

Успешные исследования в области ведической социальной динамики проводил бенгальский ученый-санскритолог Суреш Чандра Банерджи, написавший книгу об индийском обществе в «Махабхарате». В другой монографии он представил древнеиндийское общество во всех его разнообразных проявлениях – от ведических времен до Средних веков: экономические парадигмы, политика и государственное управление, образовательная

система, обычаи и традиции, манеры и этикет, пищевые привычки и времяпрепровождение, кастовые иерархии, преступления и наказания, правовые кодексы. Социологическая реконструкция выполнена на основании корпуса традиционных писаний, а также светской литературы и местных текстов. Существенно, что в монографии проводится различие между идеационным уровнем общества и реальными социальными практиками [23].

Проблема несогласованности двух видов реальности – идеационной и социальной – относится не только к современности. Изучая древние общества по сакральным источникам, мы вынуждены конструировать реальный социологический уровень его развития. Иногда это можно сделать по косвенным признакам.

Бродячий сюжет ведийских нарративов – это то, как сын служанки и мудреца подвергается общественному остракизму, но затем достигает высокого статуса благодаря своим знаниям и духовной силе, обретает звание риши (просветленного) и становится почитаемым даже высшими классами. Так, Айтарея, легендарный мудрец, с которым связывается ведическая школа и многие тексты, получил своё имя от матери Итары (букв. – «другая»), которая, согласно легенде, была низкорождённой женой брахмана. Тот прельстился её красотой, но не пожелал уравнивать в правах нестатусную жену, именуя её даже не по имени, а «Другая». Итара сообщила своему сыну Айтарею о своей огромной боли и хотела

покончить жизнь самоубийством из-за унижений со стороны мужа. Способ попирания прав нестатусной жены соответствует классике кастового общества. Отец усаживал своих сыновей на колени, но не брал Айтарея (вспомним аналогичные отношения Уттанапады с его жёнами Сунити и Суручи). Айтарея проповедовал своей матери, успокаивая её философией недвойственности, а также продолжал заботиться о ней, чтобы она была счастлива. Пример Айтареи свидетельствует о том, что «шудратва» (качество быть низким по рождению) не препятствует достижению уровня «бхагаватам» (благословения Бога). Название «Айтарея», которое дано несколькими классическими ведическими текстами эпохи Ригведы, – это намёк на то, что низкий по рождению может стать авторитетом для брахманов [22, с. 51 – 52].

Сходный пример социальной мобильности ведического общества содержится в «Чхандогья-упанишаде». Сатьякама Джабал на вопрос учителя Гаутамы, кто его отец, ответил, что он этого не знает, так же как и его мать, которая имела связи со многими мужчинами. Мальчик был принят на обучение в школу прославленного мудреца Гаутамы благодаря своей честности, являющейся главным качеством брахмана [28, с. 620]. «Рамайана» приводит пример Вишвамтиры Муни, который, будучи кшатрием по рождению, благодаря суровой аскезе и покаяниям достиг положения брахмана. «Махабхарата» описывает личность Видуры, сына шудрани, глубоко постигшего

духовную науку и пользовавшегося всеобщим авторитетом. В связи с этим «Махабхарата» утверждает, что «честность и здоровый разум должны почитаться, даже если их обладателем является представитель низшего сословия (шудра)» («Махабхарата». Шанти парва, 165.31, 318.88).

Махендра Кулашрештха в своем исследовании культуры Индии отмечает, что концепция варны воспроизводит универсальный социальный архетип и существует в той или иной форме в любых социокультурных конфигурациях. Во всех традиционных обществах существовали четыре характерных сословия: священнослужители, военные, торговцы и крестьяне, ремесленники (или рабы), что в той или иной степени соответствует четырем варнам Древней Индии [27, с. 121]. Во всех обществах Центральной Европы, Центральной Азии, Средиземноморья, Индии, Китая и Латинской Америки, имеющих вертикальную стратификацию, присутствует принцип подчинения жрецам (священнослужителям), которые передавали из поколения в поколение сакральные смыслы, технологии с целью сохранения всего общества. Майя, ацтеки, инки, шумеры, египтяне, иудеи также почитали жрецов, наделяя их специфическим статусом, в том числе и правовым [18, с. 198]. Таким образом, протоправовая система варнашрама обладает высокой рекуррентностью. Принципы ведизма, некой единой судьбы человечества в области роста знаний и организации общества могут быть сформулированы

философски, но не конкретно-исторически. Почему общества повторяют один путь социальной инженерии? Возможно, потому, что онтогносеологически человек – это один биологический вид, идущий одними и теми же эволюционными тропами. Подведем итог и сформулируем идеологические принципы протоправа Древней Индии:

1. Принцип универсализации. Дхарма оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности человека: право собственности, торговые сделки, требования к проведению жертвоприношений, семейно-брачные отношения, санитарно-гигиенические предписания.

2. Принцип индивидуализации. Социально-правовой статус личности формируется на основе специфических, индивидуальных характеристик: психофизические и половозрастные особенности, уровень развития сознания, образование.

3. Принцип экологичности. Право на жизнь концептуализируется как универсалия и распространяется на самый широкий круг живых существ, даже на животных (эдикты Ашоки). Экологический подход реализуется следующим образом: человеческое общество лишено баланса, если происходит насилие по отношению ко всему живому. В связи с этим все живое в государстве характеризуется термином «праджа» – т. е. тот, кто обладает правом на жизнь, а представитель является «праджа-пала» – тем, чьей обязанностью считается забота обо всем живом.

4. Принцип корпоративности. В качестве субъекта социально-правовых

отношений выступает социальная стра- та или ее часть. Понятие «справедли- вость» соотносится с коллективом, ко- торому принадлежит индивид. Это де- лает правоотношения традиционного общества асимметричными.

5. Принцип сакральности. Закон устанавливается людьми. Дхарма, с точки зрения Вед, является священным законом и поэтому универсальна, так как представляет собой проявление из- вечных законов, установленных Твор- цом в данной Вселенной. Действие дхармы не ограничивается территори- альными границами государства, она

не вступает в силу с момента «опубли- кования» в священных писаниях.

6. Принцип иерархии ценно- стей. Высшим достижением совре- менной идеологии зачастую высту- пает образ «законопослушного граж- данина», «патриота», «налогопла- тельщика без задолженностей», «се- мьянина» (безусловно, все эти цен- ности по-своему важны). Аксиологи- ческая концепция Вед ставит для ин- дивиди задачу иного уровня – до- стижение мокши, т. е. освобождения из материального мира путем воз- вышения сознания.

Библиографические ссылки

1. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. Философия, наука, религия. М. : Наука, 1980. 320 с.
2. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М., 1977. 616 с.
3. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : РАГС, 2007. 48 с.
4. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М. : Междунар. отношения, 1996. 400 с.
5. Крашенинникова Н. А. К вопросу о методологии изучения истории пра- ва // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2007. № 6. С. 3 – 27.
6. Маринчев Н. В., Тимощук А. С. Основания правовой идеологии Древ- ней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1(6). С. 280 – 281.
7. Маринчев Н. В. Философско-теологические основы правосознания в традиционной правовой системе Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4(9). С. 282 – 286.
8. Маринчев Н. В. Некоторые особенности традиционной правовой систе- мы Древней Индии // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 1(14). С. 193 – 195.
9. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Ин- дии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 1: Право. 2012. С. 3 – 6.

10. Маринчев Н. В. О комплексном подходе к изучению права Древней Индии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14: Право. 2012. С. 3 – 6.
11. Миненков С. А. Правовые и философские основы социального неравенства в Древней Индии: форма и содержание // Право и политика. 2007. № 8. С. 101 – 105.
12. Нуреев Р. М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М. : Наука, 1993. С. 62 – 87.
13. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. СПб. : СПбГУ, 2017. 468 с.
14. Тимощук А. С. Дхарма как мирская религия и эстетико-трансцендентное означающее // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 1(31). С. 80 – 89.
15. Тимощук А. С. Диалектика ценностно-смыслового и нормативного в текстах индуизма // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 3(35). С. 85 – 94.
16. Тимощук А. С. Социально-правовая концептуализация индуизма // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 4(32). С. 73 – 81.
17. Тимощук А. С. Ведийская культура: сущность и метаморфозы. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2002. 148 с.
18. Тимощук А. С. Традиционная культура. Сущность и существование : дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород : НГАСУ, 2007. 402 с.
19. Ударцев С. Ф. Правовая и политическая мысль Древней Индии. Алматы, 2005. 119 с.
20. Хабибуллин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11 – 20.
21. Baru S. Karl Marx and Analysis of Indian Society // Economic and Political Weekly. Vol. 18, No. 50 (Dec. 10, 1983). P. 2102 – 2108.
22. Varua B. M. A History of Pre-Buddhistic Indian Philosophy. Delhi : MLBD, 1970. 444 p.
23. Benerji S. Ch. Society in ancient India (Reconstructing Indian history & culture; no. 1). New Delhi : D.K. Printworld, 2007. 423 p.

25. Danielou A. India. A civilization of differences. Inner Traditions. Rochester, Vermont, 2005. 132 p.

26. Joshi K. L. Sanatana dharma (an elementary text book of Hindu religion and ethics). New Delhi : Parimal Publications, 2006. 201 p.

27. Kulasrestha M. Culture India. New Delhi : Lotus Press, 2006. 270 p.

28. Ray S. Namasudra and The Matua Religion // International Journal of Reviews and Research in Social Sciences. 2019. № 7(3). P. 618 – 626.

A. S. Timoshchuk

THE STATE-LEGAL IDEOLOGY OF ANCIENT INDIA AS A PROTO-LAW

The article deals with the doctrine of dharma as a conventional system of requirements, moral values to professional and ancestral groups, which constitute the sum of some ideal Vedic society. Care about dharma, karma, moksha constitutes the ideal potential of speculative arya. Ancient India exemplifies a value-sense society where history is the mythology of puranas, sociology is caste practices, and proto-law is the metaphysics of dharma. The holistic hermeneutic method is used that is the cognition of the dynamic whole in the interrelationship of its parts and processes. If we ignore the ideational holism of the social structure of ancient India, we get a disparate set of regulatives, each of which appears as a meaningless construct. Such mosaicism testifies to the lack of a purely analytical approach and the need to form a comprehensive understanding of the proto-law of traditional society.

Keywords: dharma, samsara, karma, Hindu proto-law, Vedic concept sphere, Indian thinking, Vedic eidetics, Vedic ideation, ideology of law.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
eiarinin@mail.ru

ЛЯПАНОВ Артем Владимирович – кандидат исторических наук, доцент
зав. кафедрой частноправовых дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
lyapanov@mail.ru

ЛЮТАЕВА Мария Сергеевна – кандидат философских наук
старший преподаватель кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
liutaeva@yandex.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук
профессор кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва
markovius@gmail.com

МАРКОВА Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии и религиоведения
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
natmarkova@list.ru

МАРТИРОСЯН Вергине Самвеловна – кандидат филологических наук
ассистент кафедры богословия Ереванского государственного университета,
г. Ереван, Республика Армения
martirosyanvs@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна – кандидат политических наук, доцент
старший научный сотрудник Елецкого государственного университета
им. И. А. Бунина, г. Елец
vamatv@mail.ru

МИТРОФАНОВ Виктор Владимирович – доктор исторических наук
профессор кафедры теории и истории государства и права
Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС, г. Санкт-Петербург
viktor-n1962@mail.ru

ПОВАЛИШНИКОВА София Романовна – аспирант кафедры истории России
Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир
istoriarossii911@mail.ru

ТИМОЩУК Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Владимирского юридического института ФСИН России, г. Владимир
ys@abhinanda.elcom.ru